Черное сердце Нового Орлеана

Филипп Краснов

Филипп Краснов

Чёрное сердце Нового Орлеана

«Автор»
2026

Краснов Ф. В.

Чёрное сердце Нового Орлеана / Ф. В. Краснов — «Автор», 2026

Новый Орлеан – беззаботный город, в котором каждый день похож на праздник, скрывает в своих недрах тьму, что, поселившись в самом его сердце, бродит по ночным улицам и сбирает кровавую жатву, оставляя после себя лишь пустоту и смерть...Молодой писатель Стивленд Дэвис, жизнь которого давно потеряла всякий смысл, и несостоявшаяся жрица вуду Джесс Ингрэм, столкнувшись лицом к лицу с рождённым тайными ритуалами злом, вынуждены вступить с ним в неравный бой, цена которого – жизнь.Страх, становящийся осязаемым после заката, и гнетущая атмосфера старого таинственного города и окружающих его зловещих болот влияют на их измученные сознания. Время утекает, как вода сквозь пальцы, а надежда уже готова издать свой последний вздох, но Великие Духи Вуду ещё не сказали своего последнего слова...

© Краснов Ф. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 6
Глава 1 11
Глава 2 19
Глава 3 31
Глава 4 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Филипп Краснов
Чёрное сердце Нового Орлеана

Пролог

Растину было страшно. Он уже давно перестал чувствовать кончики своих пальцев, тугая верёвка, стянувшая запястья, мёртвой хваткой впивалась в его бледную нежную кожу, сводя все возможности шевелить руками на нет. Если бы он только смог избавиться от неё, то сорвал бы с глаз плотно прикрывающий их кусок ткани, вырвал изо рта кляп и дал волю такому громкому воплю, какой его слабые детские голосовые связки за все восемь лет жизни ещё не испытывали ни разу. Но он не мог этого сделать. Он был обессилен, очень напуган и совершенно ничего не понимал.

Растин уже не помнил сколько времени прошло с того момента, как он в последний раз видел небо, слышал пение птиц и нестройный шум, удаляющегося вдаль от его дома шоссе. Ему казалось, что прошли дни, недели бесконечного ожидания в полной тьме, без еды и воды, в предчувствии кошмара, который словно незримая тень всегда стоит за спиной и ждёт момента нанести свой последний сокрушительный удар.

Но этот удар всё не приходил, и чтобы не сойти с ума Растин мысленно уносился обратно, в тот мир, который он ценил недостаточно, и за возвращение куда отдал бы все свои игрушки.

Игрушки.

Растин всхлипнул. Они во всём виноваты, вернее всего одна из них – его новенький блестящий самосвал. Отец подарил его ему накануне утром, и Растин не хотел с ним расставаться, равно как и не желал покидать улицу. В конце концов, не в доме же с ним играть? В доме нет, так кстати насыпанной возле соседского участка горы песка, нет там и валяющихся около обочины камней, не говоря уже о куче веток самой разнообразной толщины и длины.

Он играл в строителя, и дело его спорилось достаточно успешно, когда с соседней улицы, прихрамывая на правую ногу, и внимательно озираясь по сторонам, к нему подошёл высокий мужчина. Первым, его появление рядом с Растином выдал настойчивый и едкий запах табака, а уже потом за ним последовал хриплый скрипучий голос, который был на удивление мягок и приятен:

— Ого, какой у тебя агрегат парень, с таким не грех и на настоящую стройку поехать!

Растин поднял взгляд и увидел темнокожего пожилого человека. Короткие волосы на его голове были совершенно седы, серебро пробивалось и в его изрядно отросшей щетине. Растин не знал этого мужчину и несколько секунд сомневался, стоит ли вообще с ним разговаривать. Мама несколько раз настойчиво повторяла ему, чтобы он никогда не общался с незнакомцами, а если вдруг кто-нибудь проявит к нему странный интерес, чтобы он как можно скорее бежал от этого человека. Растин сперва так и хотел сделать, но, осматривая тёмное, как какао, до того, как в него прольётся белоснежное молоко, лицо старика, неожиданно встретился с его глазами. Вторящие оттенкам его кожи, они казались очень добрыми, в них было нечто успокаивающее, нечто доверительное, достаточно было один раз взглянуть в их глубины, и всё напряжение сразу же улетучивалось. Растин поддался исходящей от них энергии и решил, что не будет ничего плохого, если он ответит этому мужчине, тем более, он похвалил его самосвал – вещь действительно стоящую.

— У него кузов поднимается, — Растин не преминул подкрепить слова делом, вмиг опорожнив содержимое кузова на землю, — а ещё колёса поворачиваются, прямо как настоящие.

— О да, — незнакомец улыбнулся, обнажив свои жёлтые зубы, — я вижу, малыш, и это очень хорошо, что у тебя есть такая вещица. Отрадно видеть, когда такой молодой человек уже находится при деле. Вместо того, чтобы всякую дрянь по ящику смотреть, всяко лучше провести время на свежем воздухе, как думаешь?

Растин не совсем понял, что именно хотел сказать этим его собеседник, но ему было ясно, что он его хвалит, и этого ему хватило для того, чтобы утвердительно кивнуть. Уверен-

ный в том, что на такой ноте этот необычный разговор закончится, Растин начал заново загружать камешками кузов своего грузовика, как вдруг стоявший над ним мужчина выразительно прочистил горло кашлем и самым что ни на есть располагающим тоном проговорил:

— Такая жара сегодня стоит… вроде лето только началось, а уже смалит как в середине июля. Зато дело моё в гору идёт, — Растин с интересом взглянул на старика, и тот ему мило подмигнул: — У меня ведь парень, как и у тебя, есть своё дело. Я помогаю людям не умереть от жары, мороженое продаю, у меня как раз ларёк здесь, за углом.

При мысли о мороженом у Растина потекли слюнки. Родители не разрешали ему есть много сладкого, хотя он его очень любил. С мороженым же их запреты переходили все границы. «Оно холодное, ты заболеешь, если тебе жарко – лучше уж выпей лимонада, он гораздо полезнее» – такими были стандартные ответы на его просьбы, купить столь вожделенный охладительный молочный продукт, и он был вынужден смиряться с этой вопиющей несправедливостью.

Словно понимая, о чём мальчик думал, его собеседник с деланной осторожностью огляделся по сторонам и, убедившись, что на них никто не смотрит, приблизился к Растину поближе и, прикрыв рот рукой, заговорщически прошептал:

— Мой начальник – суровый изверг, но я уверен, что он не заметит если одно мороженое улизнёт из его холодильника и окажется в руках такого славного парня как ты, — мужчина отстранился назад и, внимательно следя за тем, как меняется лицо Растина, спросил: — Ты не составишь мне компанию? Идти нужно меньше квартала, буквально свернуть за угол, и мороженое твоё.

Растину хотелось мороженое, но что-то внутри предостерегало его от того, чтобы пойти куда-то с этим незнакомцем, и подумав, он решил всё же отказаться от его щедрого предложения, сделав это просто – сказав правду.

— Извините, но я не могу пойти с вами, моя мама…

— Миссис Миллер? — рассмеявшись, перебил его мороженщик. — Чудная женщина, всегда находит время перекинуться со стариком парочкой слов.

— Вы знаете мою маму? — совершенно сбитый с толку спросил Растин.

— Ну, конечно, — будто бы удивлённый таким вопросом, ответил мужчина. — Стал бы я подходить к тебе, если бы не знал твоих родителей? Я ведь не какой-то там из этих, что с детьми того делают… ну в общем ты понял.

Растин не понял, но и не горел желанием понять. Его разум был занят другим – если этот человек и правда знал его родителей, то это меняло всё дело. Он очень сильно хотел мороженое и ему нужен был лишь малейший повод, чтобы схватить эту лакомую удачу за хвост, и вот он его нашёл.

— Тогда… — начал он неуверенно, но с каждым словом голос его креп всё сильнее, — пожалуй, я могу отлучиться, ну, если только ненадолго.

— О-о-о, — довольно протянул мороженщик, — это займёт всего пару минут не больше, ты и сам не заметишь, как вновь вернёшься к своему делу, только в этот раз будешь в компании не дряхлого провонявшего сигаретами старика, а с восхитительным тающим на языке шоколадным мороженым.

Живо представив описанное, Растин тут же поднялся и с готовностью направился вслед за стариком, который, как и обещал, повёл его за угол.

Пока они не свернули в проулок, он без умолку трещал о том, как ему нравится его работа, но как только людная улица осталась позади, мужчина резко переменился, его шаркающая походка выпрямилась, а мягкая улыбка сошла с лица, сделав его суровым и жёстким. Добрый старик исчез, будто его никогда и не бывало.

Растина обманули. Он понял это, но, увы, слишком поздно. Старик ринулся к нему, и уже в следующее мгновение, так и не осознав до конца, что именно произошло, Растин потерял сознания.

Когда он пришёл в себя вокруг были тьма и тишина. Две родные сестры, они стали его надзирателями, жестокими и неумолимыми. Они были глухи к молитвам, которые он мысленно посылал в надежде достучаться до них, и не сгибались под потоками слёз, обильно льющихся из его опухших глаз. Над ними царила вечность, и лишь она одна могла отдать им приказ сложить оружие и выпустить пленника. Растин сомневался, что сможет долго бороться с ней, но временами даже вечность может закончиться.

Спустя невообразимое количество часов и минут пребывания в безвестности, Растин вдруг услышал голоса. Они приближались к нему и были уже совсем близко. От перенапряжения и нервного истощения, он не смог разобрать ни единого их слова, а затем снова, как и много раз до этого, когда его разум переставал выдерживать свалившиеся на него испытания, впал в спасительное забытье.

***

Когда Растин наконец вернулся в сознание, он сразу понял, что что-то изменилось. Тишина сменилась гомоном десятков различных звуков, через тьму, перекрывавшей глаза повязки, сочился хоть и тусклый, но свет, а его нос обдало потоком жаркого летнего воздуха. Он был на улице, кто-то тащил его под руки, причём делал это крайне скверно – его голые под шортами ноги, волочившиеся по земле, чувствовали каждую её неровность и все попадающиеся на пути камни. Своими гранями они резали его кожу, как мясницкий нож, проходящий остриём по оболочке того, что ещё совсем недавно жило, дышало, и было радо каждому новому дню. Теперь, однако, оно было мертво, и Растин, не желая повторять его судьбу, собрал все свои силы в кулак и попытался вырваться из цепких лап своих похитителей.

Он понимал, что шанс сделать это есть всего один, пока они не подозревают о том, что он пришёл в себя, пока их пальцы вяло поддерживают его беспомощные руки, он может выскользнуть и броситься прочь. Но представить это оказалось гораздо легче, чем сделать. Что было мочи Растин дёрнулся в сторону, но… не смог вырваться. Слабая поддержка вмиг превратилась в мёртвую хватку. Его вернули обратно на место и больше уже освободиться он не пытался. Вместо этого, понимая, что они находятся на улице, он начал кричать. Рьяно, отчаянно, надеясь, что кто-нибудь, ну хоть кто-нибудь услышит его мычание, еле слышно вырывающиеся из-под забившего наглухо рот кляпа.

Но его никто не услышал. Никто не пришёл на помощь. Похитившие его люди продолжили своё молчаливое шествие, покуда не достигли того, что видимо было их целью. И если до этого Растину было страшно, то сейчас его накрыло волной по-настоящему жуткой паники, ибо к двум ведшим его людям присоединились ещё несколько человек, которые в один миг с силой подняли его в воздух и тут же стремительно опустили на землю. Растин довольно чувствительно ударился головой о нечто твёрдое и холодное. Его затошнило, и, промедлив, приходя в себя, он упустил ещё одну возможность сбежать.

После того, как его уронили на землю, похитители на несколько секунд оставили мальчика предоставленным самому себе. Правда, сразу же по их истечению чьи-то крепкие руки прижали его к чему-то, что Растин расценил как большой камень, и начали активно привязывать к нему верёвкой его тело. Из-за боли в затылке и последствий уже отступившей тошноты он не смог сопротивляться, и они быстро завершили своё тёмное дело.

Ненадолго вновь опустилась тишина. Но её тут же разорвали. Растерзали в клочья, когда раздался низкий протяжный гул барабанов. И, словно вторя ему, они запели. Десятки голосов,

мужских и женских, грубых и мягких, таких разных, но сливающихся в один зловещий, жуткий зов, изрыгающийся из самых отдалённых бездн стигийского мрака.

Растин задрожал, и из глаз его брызнули слёзы. Он, будучи ещё слишком мал, чтобы понимать кто есть Бог, а кто – Дьявол, начал неистово молиться первому и просить у него защиты от второго. Но защитник всех людей на земле не обратил к нему свой взор, а вот его извечный враг, наоборот, явился. Он сорвал с глаз Растина повязку, и тот увидел облик истинного зла.

Одетый в чёрный классический костюм, тёмно-фиолетовую рубашку и пепельно-коричневый цилиндр, вышедший из моды ещё задолго до рождения бабушки Растина, он глядел на него глазами, в которых горели отблески адского пламени. Красные, как раскалённые угли, они были совсем непохожи на те добрые карие глаза, которыми этот человек смотрел на него, когда предлагал накормить бесплатным мороженым.

В тот миг Растин понял, что ничего в этом мире не бывает бесплатно. За всё здесь приходится платить и, вероятно, он заплатит высшую цену. Растин ясно осознал это, когда в руках у этого демона мелькнул нож. Остро заточенный, с красивой кожаной рукоятью, в любых других обстоятельствах Растин бы определённо захотел себе такой, но сейчас он желал лишь одного – чтобы его угрожающая сталь держалась как можно дальше от его тела.

Но желания восьмилетнего мальчика не всегда сходятся с тем, чего хотят от него взрослые. Подняв нож над собой, старик мороженщик или демон из иного мира сделал шаг в сторону, и в поле зрения Растина появился новый силуэт – молодая девушка. Её тёмная кожа заметно оттеняла глаза, которые были белёсыми и как будто неживыми. Девушка двигалась несколько неестественно, так, словно спала и ходила во сне. Впрочем, старика это, казалось, совершенно не смущало. Подавшись вперёд, он протянул ей нож, и ровный гомон тянувших свою песнь голосов начал стремительно ускорять свой темп. Повинуясь ему, девушка протянула руку и когда между ней и рукояткой ножа оставалось всего несколько сантиметров, один из голосов внезапно выбился из общего строя. Раздался громкий окрик:

— Нет!

И некий молодой человек, молниеносно вклинившись между стариком и девушкой, выхватил у первого нож и, бросив на Растина взгляд, полный скорби и сочувствия, кинулся прочь.

Все голоса разом стихли, старик, так и замерший с открытой ладонью, на которой ещё мгновение назад покоился нож, казалось, не мог поверить в то, что произошло. Взял он себя в руки лишь тогда, когда стоявшая подле него девушка вдруг попятилась в сторону, а затем, издав протяжный вздох, начала падать на землю.

— Бриджит! — воскликнул он и бросился к ней. — Бриджит, дорогая, мы должны закончить ритуал, ты нужна мне!

Но Бриджит молчала, она ничего ему не ответила, потому что потеряла сознание, и вот тогда он разозлился по-настоящему.

— Эй вы! — бросил он кому-то, кого Растин не видел. — Живо верните сюда жертвенный нож, притащите мне мальчишку, уж не знаю, как он смог одолеть наше снадобье, но я заставлю его пожалеть о том, что когда-то он имел неосторожность появиться на этом свете!

Топот ног, раздавшийся после того, как его голос затих, ясно свидетельствовал о том, что те, к кому был обращён приказ, ринулись его исполнять. Старик же тем временем вновь обратил своё внимание на Растина. Подняв с земли небольшой, но очень острый камень, он повернулся к нему и зловеще, с нажимом, выводя каждое слово, проговорил:

— Этот ритуал очень важен, и я не позволю ему завершиться так. Мне нужна кровь и нужна жертва и я возьму и то и другое, чего бы мне это не стоило!

И он нанёс удар. Быстрый и сильный, он пробил грудную клетку Растина, заставив того завизжать от боли. Брызнула кровь, но её было мало, ему нужна была вся жизненная энергия

этого мальчика, и поэтому он ударил снова. На этот раз камень вошёл глубже, и с губ Растина полилась красная пена. Он задыхался от боли, едва не терял сознание, но всё ещё был жив. До третьего удара.

Свершив его, убийца разорвал ему сердце, и Растин Миллер – любимый сын, прилежный ученик, восьмилетний мальчик, который в своей короткой жизни никому не сделал ничего плохого, просто хотевший играть с новеньким самосвалом, перестал существовать…

Глава 1

Новый Орлеан – беззаботный город, в котором никогда не кончаются хорошие деньки, утопал в июньском зное. Родина джаза, жертва ураганов, он оставался верен себе несмотря ни на что, эдакая глыба разнузданного бесшабашного веселья, которой не страшны удары судьбы.

Стивленд Дэвис любил этот город. Ему нравилось быть частью его шумных улиц. Он шёл по жизни в ногу с ним, держа один ритм, что выдавал маленький юркий барабанщик, заводящий выступление джазового квартета – сердца и мозга Нового Орлеана. Но времена меняются, стены могут стоять вечно, как и открытые балконы улицы Бурбон – центра Французского квартала, самого старого в городе, а вот люди имеют горькую тенденцию изменяться и зачастую в худшую сторону.

Раньше Стиви любил гулять по своему родному городу. Он находил на его улочках вдохновение и после возвращения домой сразу же брался за клавиатуру и писал, писал и писал, покуда силы не оставляли его, и он не засыпал, уткнувшись носом в собственные руки, сложенные крест-накрест на самом краю письменного стола.

То были счастливые времена, но они давно кончились. Отныне Новый Орлеан с его бесконечным весельем и абсурдной беззаботностью вызывал у Стиви лишь одно чувство – печаль, глубокую и ранящую в самое сердце.

В последнее время он редко покидал свой уютный, но одновременно с этим холодный и не приветливый дом на Форт-стрит. Не хотел он делать этого и сегодня, но звонок старого друга вытащил его из мира тлена и бесконечной скорби, и вот Стиви уже стоял возле входа в отель «Монтелеон», в баре которого они и договорились встретиться.

Правда Стиви не был уверен в том, что это хорошая идея, он не видел Джереми Байрона – своего редактора и по совместительству лучшего друга, уже больше полугода и по-прежнему совершенно не хотел с ним видеться. Не потому, что тот сделал что-то плохое, а из-за того, что Стиви не хотел никого видеть вообще в принципе. У этого желания не было исключений. Но они договорились и Стиви не мог повернуть назад. Поэтому, глубоко вздохнув, он взглянул на часы, понял, что опаздывает уже на десять минут, и, не став больше откладывать неизбежное, вошёл внутрь.

***

Бар «Карусель», расположенный внутри отеля, был изюминкой Французского квартала. Представляющий собой старинную карусель, которая медленно вращается, приводимая в движение цепью, которую тащит на себе двигатель мощностью в четверть лошадиной силы – он был уникален и единственен в своём роде.

Все двадцать пять мест возле бара были забиты под завязку, но Стиви знал, что Джереми будет ждать его не там. Он был уверен, что его друг займёт их столик возле большого, уходящего в потолок окна. Там они впервые увиделись, когда Стиви искал редактора для своей первой книги, а Джереми надеялся найти талантливого автора, которым заинтересуется его босс.

Пройдя немного вперёд, Стиви обогнул два столика, быстро и без интереса скользнул взглядом по карусели и увидел в стороне от неё Джереми, тот заметно нервничал и постоянно поглядывал на свои наручные часы. Естественно, он занял тот столик, о котором Стиви и думал. Желая поскорее добраться до него, Стиви протиснулся мимо двух совсем пьяных гостей бара и, наконец, предстал перед ликом своего друга.

Всю тревогу и раздражение Джереми как ветром сдуло. Он тут же поднялся со своего стула и, раздвинув губы в широкой приветственной улыбке, быстро проговорил своим мягким высоким голосом:

— Стиви, мой дорогой, Стиви, я уж думал, что ты не придёшь!

Он наклонился вперёд чтобы обнять друга, но Стиви не поддержал этого порыва, и они просто обменялись рукопожатиями, а затем оба заняли свои места.

— Я надеюсь, — с горящим в глазах энтузиазмом, спросил Джереми, — что ты так же голоден, как и я?

Стиви неопределённо кивнул.

— Отлично! — не обращая внимание на его угрюмость, воскликнул Байрон. — В таком случае, если, конечно, с тех пор как мы виделись в последний раз твои вкусы не изменились, ты не откажешься от полной тарелки гамбо?

Стиви никогда бы не отказался от гамбо. Восхитительное детище луизианских трясин, оно было его самым любимым блюдом. И даже сейчас, когда у него совершенно не было никакого аппетита, он бы с радостью наполнил свой желудок горячей порцией этого супа.

— Я так и думал, — не дождавшись ответа и приняв молчание за согласие, Джереми поднялся и быстрыми пружинистыми шагами направился в сторону бара.

Стиви на несколько минут остался наедине с самим собой, и эти мгновения были ему приятны. Однако очень скоро Джереми вернулся и, сказав, что еду им подадут в течение двадцати минут, задал вопрос, на который он уже не смог ответить кивком или молчанием.

— Ну, как ты дружище? Я уже и забыл, как ты выглядишь… Дозвониться до тебя настоящая редкость, а уж увидеть вживую…

— Я в порядке, Джери, — нехотя выдохнул Стиви, и добавил ещё тише: — моё существование уже два года совершенно неизменно.

Джереми закусил губу и покачал головой. Он понимал, что от его слов, вероятно, не будет никакого толку, но не мог не попробовать ещё раз. Ещё один раз. Скорее всего, такой же бесполезный, как и множество тех, что были до него, достучаться до своего друга.

— Стиви, я знаю, что тебе плохо. Потерять в один миг любовь всей своей жизни и ещё неродившегося ребёнка очень тяжело, но… время проходит, жизнь продолжается, и ты остаёшься в ней…

— Против своей воли, — неожиданно резко оборвал его Стиви.

— Пусть даже так, — кивнув, спокойно продолжил Джереми. — Возвращаться обратно тяжело, но нужно с чего-то начинать, хотя бы с того, что тебе раньше нравилось. Мне вчера звонил Винсент…

— Если ты вытащил меня сюда, — Стиви зло скрежетнул зубами, — чтобы обсуждать мои книги, то, пожалуй, лучше мне уйти! Я не хочу с тобой ссориться!

Стиви сделал попытку встать, но, перевесившись через стол, Джереми остановил его, быстро проговорив:

— Нет, я позвал тебя не из-за этого.

Стиви замер на месте и, добившись своего, Джереми откинулся на спинку стула и легонько улыбнулся:

— Наверное ты не помнишь, но через четыре дня, пятнадцатого июня мой день рождениея Я знал, что не смог бы вытащить тебя к себе домой, ты в очередной раз нашёл бы отговорку, поэтому и решил попробовать встретиться с тобой вдвоём здесь. Я понадеялся, что ты не откажешься, и очень рад видеть твоё, хоть и совершенное безрадостное, вымученное лицо.

На тёмных, как шоколад, щеках Стиви выступил едва заметный румянец. Конечно же он забыл о дне рождении друга. Позавчера была вторая годовщина смерти Шелли, и он не думал ни о ком кроме неё. Отринул живых чтобы горевать о мёртвых. Для нынешнего него это было в порядке вещей, но всё же сейчас ему стало стыдно.

— Прости, Джери, — выдержав небольшую паузу, искренне сказал Стиви. — Я потерял счёт времени, всё как в тумане. Дни летят один за одним блёклые, серые, однообразные. Я не слишком хороший друг.

— Нет, Стиви, — покачав головой, возразил Джереми, — ты хороший друг и отличный человек в жизни которого произошла трагедия. Но ты должен с ней справиться, должен выбраться из этой ямы. Ты ведь сам понимаешь, что так дальше жить нельзя.

— И ты думаешь, что мне может помочь справиться с горем возвращение к писательству?

Стиви сам невольно затронул тему, которую Джереми очень хотел обсудить, и поэтому он не преминул высказать все свои мысли на этот счёт.

— Конечно, ведь ты отличный писатель, две твои прошлые книги стали бестселлерами. По всей Америке люди восхищаются находчивостью и смелостью частного детектива Кайла Моргана.

— Не вижу особо поводов для восхищения, — скривившись, вставил Стиви, — он груб, не отёсан, меняет женщин, как перчатки, а целью своего существования ставит по сути бессмысленную борьбу против целого преступного синдиката.

— В этом-то и дело, — стоял на своём Джереми, — люди видят в этом персонаже себя – не героя, а простого человека, который ради мести за лучшего друга, готов рискнуть своей жизнью. И ты сам это прекрасно понимаешь. Чтобы ты сейчас не думал, в глубине души ты любишь свои книги. Я их люблю, и Винсент тоже любит, поэтому он и не оставляет тебя в покое.

Винсент Дикинсон был издателем Стиви, человеком предприимчивым и хватким, таким, который никогда не упустит своего. Поэтому неудивительно, что он не желал оставлять его в покое. Читатели жаждали увидеть завершающую часть трилогии, а Винсент хотел положить деньги, выложенные ими за неё, в свой сейф. В общем-то изначально у Стиви были такие же планы, после оглушительного успеха двух книг и продажи прав на их экранизацию, он и сам безумно горел желанием продолжить и закончить историю, но смерть Шелли всё перечеркнула. Она отбила у него желание браться за лист бумаги и перо, и за два года он не написал ни единой строчки.

— Боюсь ему всё же придётся это сделать, — через некоторое время уверенно проговорил Стиви. — Я не могу и не хочу возвращаться к писательству. Я уже говорил своему бывшему агенту Брендану Уайнеру, что не стану делать из своей боли источник вдохновения, и пусть сотни писателей, потеряв близкого человека, разрождаются бестселлерами, я не пойду этим путём. Увы, помешанный на карьере и деньгах Уайнер этого не понял, и мне пришлось вышвырнуть его из своего дома, и послать вслед за ним все его обещания сделать меня миллионером. Денег у меня достаточно, а запросы небольшие, того, что у меня уже есть, мне спокойно хватит, чтобы довести эту бессмысленную жизнь до её финала.

Джереми хотел было возразить ему, но тут из толпы вынырнул официант. С ловкостью фокусника он приземлил напротив каждого из них по тарелке восхитительного пряного луизианского супа, и следующие минуты прошли в натянутом молчании. Слышно было лишь звяканье ложек о фарфор, да тихое пережёвывание, производимое шестьюдесятью четырьмя зубами.

Над столиком витало плохо скрываемое напряжение. Раньше его никогда не было, до смерти Шелли, Стиви и Джереми обычно болтали без умолку, обсуждая тот или иной ход Кайла Моргана, вместе радуясь шикарным сюжетным поворотам и споря до хрипоты, если одному из них что-то не нравилось. Но теперь на жизнь его персонажа Стиви было наплевать, Джереми понимал это и решил сменить тактику, попробовав достучаться до своего друга иным способом.

— Когда ты в последний раз виделся со своими родными?

Его вопрос поставил Стиви в тупик. Он перестал жевать, опустил ложку в тарелку и, нахмурившись, недовольным взглядом уставился на Джереми.

— Я уже не помню, — отмахнулся он и сразу же отвёл взгляд в сторону.

Стиви помнил и это было ещё одним в перечне того, чего он стыдился. У него всегда были сложные отношения со своей семьёй. После смерти отца от рака лёгких в его четырнадцать с небольшим лет, он, как старший из трёх детей в семье, был вынужден частично взять на себя его роль. Но поскольку Стиви был юн, справлялся он с ней так себе. Матери одной тоже было тяжело, проводя большую половину дня в кофейне «PJ's Coffee», она постоянно устраивала своим детям по вечерам знатную трёпку. Смерть отца ужесточила её, а это в свою очередь привело к тому, что дети отдалились от матери, и не все в лучшую сторону. Если Стиви, борясь со стрессом, с головой ушёл в книги, а со временем смог вырваться из дома, поступив в Новоорлеанский университет, то его средней сестре Элле и младшему брату Рэю повезло гораздо меньше. Элла, едва ей исполнилось восемнадцать залетела от своего безмозглого дружка Эзры Мэллоуна, который, узнав об этом, исчез из её жизни со скоростью света, а Рэй начал часто бывать в дурных компаниях, где перебирал не только с алкоголем, но и с наркотиками. Без Стиви им обоим было тяжело, ибо они так и остались жить с матерью – разбитой на старости лет Паркинсоном сварливой Мегерой. Стиви был им нужен и покуда Шелли была рядом, он часто навещал родной домишко на Чероки-стрит, но после её смерти, он появился там всего два раза, и те были в прошлом году.

— Может быть тебе стоит навестить их? — видя, что его друг с головой ушёл в размышления, осторожно спросил Джереми. — Сколько уже лет твоему племяннику, шесть?

— Семь, — поправил его Стиви, — ему исполнилось семь этой зимой.

— Ну вот, — довольно развёл руками в стороны Джереми, — семь – это отличный возраст, время, когда человек начинает активно познавать этот мир. А ведь ты так много о нём знаешь Стиви, ты же дипломированный учитель истории, я уверен ты можешь многое рассказать Малкольму.

Посыл Джереми был слишком навязчив, и Стиви начал быстро надоедать этот разговор. Он был в шаге от того, чтобы встать с места и, оборвав Джереми на полуслове, убраться прочь из этого бара, но всё же усилием воли заставил себя продолжить беседу. Стиви не хотел расстраивать друга, тем более в преддверии его дня рождения.

— Мы как-то уж слишком много говорим обо мне, в конце концов, мы здесь чтобы отметить твой предстоящий праздник. — Стиви постарался, как мог, натянуть на своё безразличное лицо маску заинтересованности. — Лучше расскажи, как у тебя дела, как Гвен и малышки?

Не сказать, чтобы Стиви было интересно, как поживает жена Джереми, с которой он никогда особо не ладил, и две его дочери – Мия и Полли, само существование которых стало для него невольным покалыванием иглой в сердце. Ведь у него тоже должна была родиться дочь, и девятого июня ей могло бы исполниться уже целых два года…

— Моя жизнь уже давно течёт по привычному руслу, — с нотками досады в голосе ответил Джереми, он явно не хотел переводить тему на себя, и постарался как можно быстрее вновь вернуть их диалог к проблемам Стиви. — Работа, дом, семья, всё это держит меня на плаву, помогает не свихнуться. Я даже не представляю, что бы я делал, оставшись в одиночестве, ведь это не жизнь, а…

— Достаточно! — в голосе Стиви просквозила метель, он с силой отшвырнул от себя полупустую тарелку гамбо и, со скрипом отодвинув стул на полметра назад, быстро встал и, не удостоив Джереми взглядом, жёстко проговорил: — Это была плохая идея. Я сам разберусь со своей жизнью, мне не нужны советчики и доброжелатели, особенно те, кто так рьяно любят ставить себя на моё место. Вы ни хрена не понимаете, что я испытываю каждый грёбаный день, и поэтому засуньте свои советы себе…

Не став договаривать, Стиви развернулся и неровным шагом двинулся к бару, оставив Джереми провожать его вслед печальным взглядом. Пустив в ход локти, он протиснулся к бармену, выложил на стойку несколько крупных купюр и попросил банку пиво NOLA. Когда же

бармен исполнил его просьбу и собирался отдать сдачу, Стиви забрал пиво и, не обращая внимание на его окрики, двинулся к выходу.

С него хватило общения с людьми на сегодня, он был сыт им по горло.

***

Прикончив банку и сев в такси, Стиви испытал нечто сродни облегчению. Он очень хотел поскорее добраться до дома и забыть этот вечер, выбросить из памяти разговор с Джереми и продолжить прозябать в чертогах своего разума, где прошлое раскрашено яркими красками, а будущее, как нуарный фильм, плачет дождём серости и уныния.

— Хороший сегодня денёк, а?

Хрипловатый голос таксиста ударил по барабанным перепонкам Стиви, как гром по тихой безбрежной небесной глади. Он взглянул на водительское сидение и обнаружил там темнокожего лысеющего доходягу, оптимизма в котором было явно больше, чем мяса на костях.

— Погодка просто шепчет, — продолжил таксист, несмотря на красноречивое молчание своего пассажира, — и баранка сама собой прям вертится.

Стиви увёл взгляд в боковое окно, где Новый Орлеан, хоть сегодня и был четверг, и не думал отправляться ко сну. Город веселья, песен и танцев, он никогда не спал. И словно чтобы подтвердить это, таксист включил музыку и весь салон в миг окутался чарующими звуками джаза.

В прошлом Стиви обожал эту музыку, она нравилась ему с детства, но по-настоящему влюбился он в неё одним дождливым вечером, когда непогода загнала его погреться в Байу Бар – джаз-клуб на Сент-Чарльз-Авеню. В то время он не жаждал новых встреч и всё своё время посвящал учёбе в университете, но судьба, как это часто бывает, добавила в рациональное немного деструктивного. Но на этот раз это деструктивное не было чем-то плохим, в общем-то оно было даже очень хорошеньким. Девушка, сидевшая подле пианино, была подобна ангелу, нежная, как только что распустившаяся лилия, она своими хрупкими тонкими пальцами держала на себе всю атмосферу клуба. Стиви без памяти влюбился в её джаз, а через несколько часов и в неё саму. К счастью или учитывая, к чему привело их знакомство, к большому горю, Шелли он тоже понравился. Правда, в тот первый вечер она, как любая уважающая себя девушка, этого не показала.

— Славная работка, а?

Образ Шелли померк, на Стиви вновь всей своей непомерной тяжестью обрушился груз реальности. И как только это случилось, на его скулах заиграли, не предвещавшие ничего хорошего, желваки, а в голове начал гневно биться лишь один вопрос: неужели этот таксист не может ехать молча? И будто бы доказывая, что это и правда невозможно, с переднего сиденья донеслось:

— Я вот считаю, что работа таксистом – лучшая в мире. Ездишь взад-вперёд по городу, и дождь тебе не страшен и от жары спастись можно, так ещё и платят за это. А ты приятель, что думаешь? Сам-то никогда не хотел к нашему брату присоединиться?

Стиви ничего не думал, он уже снова вышел из себя. Сначала Джереми всколыхнул запертый замок на сундуке с полустёртой пометкой «Семья», а теперь этот безмозглый увалень, сам того не ведая, надавил на эту же мозоль. Вскипев до предела, Стиви решил, что не станет оставлять его в неведении и расскажет всё о том, что он думает об «их братии».

— Мой отец, — процедил он сквозь зубы, — половину жизни провёл за рулём такси, а вторую потратил на бесконечное сидение под днищем своей старой «BMW». Он никогда не был рядом, когда это было нужно, а потом умер от рака лёгких из-за того, что в этом своём грёбаном такси смолил, как кочегар дальневосточного экспресса, и оставил своих трёх детей на

руки жены, которая временами и сама с собой справиться не могла. Поэтому нет, я не считаю эту работу славной.

Остаток пути они проехали в молчании.

***

Наконец добравшись до дома, Стиви первым же делом залез в холодильник и вытащил оттуда две банки любимого светлого пива. Одной, выпитой возле бара, ему явно не хватило, чтобы привести свои чувства в порядок, с чем эти две были вполне способны справиться.

Остановив движение своего тела в кресле, что стояло в богато обставленной гостиной, Стиви выдохнул. Ещё один день закончился, приближалась ночь, несущая с собой блаженное забытьё. Кто знает, может быть сегодня ему опять приснится Шелли, и он снова будет самым счастливым человеком на земле? Откинувшись на мягкую спинку, и подложив под голову небольшую подушечку – одну из немногих вещей, которые он забрал из родного дома – Стиви опустил ставшие слишком тяжёлыми веки и подумал о том, как было бы замечательно попасть в мир снов, придуманный когда-то великими писателем Говардом Лавкрафтом. Он бы с радостью стал сновидцем в его мире, прогулялся бы по улочкам Ултара, заглянул бы в таинственный Предзакатный город, побывал в Зачарованном лесу и никогда бы не вернулся обратно в настоящий мир, навсегда растворившись в Стране Грёз, где нет серых будней и мечта, самая сокровенная и тайная, если сильно её возжелать, становится реальностью. Там бы он вновь обрёл своё счастье и больше не отпустил бы его, даже если бы ему предложили все сокровища этого мира. Ведь деньги не смогут залечить дыру в сердце, ничто не сможет, вопреки словам многих заблуждающихся глупцов, даже всемогущее время не всегда на это способно…

Стиви не заметил, как начал клевать носом. Но перейти к фазе глубокого сна ему не дал настойчивый, нервный и очень громкий стук в входную дверь. Нехотя протерев пальцами заспанные глаза, он, щурясь, взглянул на загоревшийся в левой руке экран телефона. Часы показывали 02:06. Кого могло принести к нему в столь позднее время? Стиви не ждал гостей и не был рад их видеть.

С трудом поднявшись с кресла, которое не хотело выпускать его из своих крепких объятий, он двинулся к двери с самой логичной мыслью, что явилась сама собой в его гудевшую от выпитого пива голову. К нему припёрся Джереми. Не желавший заканчивать разговор на такой ноте, он, вероятно, не смог уснуть и решил ещё раз попытать счастье, как он это видел – достучаться до Стиви. Но если это и правда было так, то Стиви было очень жаль своего лучшего друга, ибо то, что он собирался сказать ему сейчас, скорее всего полностью перечеркнуло бы их дружбу и поставило в ней жирную точку.

Нарочито громко звеня ключами, Стиви отомкнул замок и, навалившись на дверь всем телом, едва не выпал наружу, когда она с треском открылась. Первые слова, из которых больше двух третий были руганью, уже собирались сорваться с его обветренных губ, как вдруг, он увидел, что пришедший к нему человек не имел с Джереми ничего общего. У него была тёмная кожа, а возраст его был немногим больше половины лет, прожитых на этой земле редактором Джереми Байроном. Перед Стиви стоял его родной брат Рэй.

От удивления Стиви немного опешил, он не видел брата уже очень давно, и время не пошло Рэю на пользу. В свои восемнадцать лет он выглядел, мягко говоря, плохо. Глубокие мешки под глазами, длинные, нестриженные около полугода волосы, зрачки, сразу же упёршиеся в землю и расширенные, явно от недавнего употребления психостимуляторов. Поникшие плечи и дрожащие руки, вернее, одна рука – левая, правую Рэй держал за спиной, и Стиви предчувствовал, что в ней есть что-то, что ему ох как не понравится. В общем, Рэй выглядел как человек, которому уже очень давно нужна была специализированная помощь.

— Рэй, ты… — Стиви хотел начать, как можно спокойнее, но не смог сдержаться и вспылил: — Ты вообще видел сколько сейчас времени?!

Рэй медленно оттянул к полу нижнюю губу, ответ вертелся у него на языке, но он словно не мог за него ухватиться.

— О, чёрт! — выругался Стиви и, недовольно покачав головой, добавил: — Ты вообще в себе? Ты хоть понимаешь, где находишься?!

— П-п-п-понимаю, — с трудом выдавил Рэй.

Он поднял на Стиви до этого опущенный вниз взгляд, и старший брат увидел на его лице маску страха, вернее, даже не страха, а самого настоящего ужаса.

— Что случилось? — настороженно спросил он, и в этот раз Рэй ответил быстро, даже слишком быстро, учитывая, что ещё секунду назад он еле выдавил из себя всего одно слово.

— Можно, пожалуйста, я войду, Стиви? Я боюсь, что у меня очень большие проблемы, я видел и участвовал в том, что… — Рэй замялся и, выдохнув, резко замолчал.

Стиви абсолютно не радовала перспектива в третьем часу ночи выслушивать бред явно находящегося под чем-то брата, и несколько секунд его так и подмывало желание захлопнуть перед его носом дверь и отправиться и дальше видеть положенный ему сон. Но в очередной раз за последние сутки он переступил через себя и всё же решил выслушать Рэя.

— Ладно, заходи.

Стиви отодвинулся в сторону, и Рэй, испуганно оглянувшись по сторонам, стремительно впорхнул в дом и быстро прикрыл за собой дверь.

Отойдя на несколько шагов назад, Стиви скрестил руки на груди, этим жестом показывая, что он не пустит брата дальше прихожей, по крайней мере, пока он всё ему не расскажет.

— Я тебя слушаю, очень внимательно.

Голос Стиви был холоден и свиреп, как айсберг, однажды потопивший один знаменитый трансатлантический лайнер. Своим тоном он мог заморозить сейчас кого угодно, но только не Рэя. Нет, Рэй был слишком напуган, чтобы обращать на это внимание, и страх его, быстро дал волю рвущимся наружу словам.

— Я ошибся, — пролепетал он хриплым голосом, — я думал, что те люди, что они и правда делают доброе дело, я чувствовал единение с ними и так и было, до того, как я вдруг не прозрел и не увидел, что они творят на самом деле.

Стиви не был удивлён, Рэй и раньше ошибался в людях, и более того, делал это с завидной регулярностью.

— Говори конкретнее, — попросил он терпеливо, — что именно случилось на этот раз?

Глаза Рэя забегали из стороны в сторону, он прислушался, словно ожидая услышать за дверью чьё-то дыхание, поддёрнул вверх правую руку, которая и прежде оставалась за спиной, но так и не достал её, а затем, наконец, собравшись с духом, сказал:

— Они что-то подмешали в мой «грязный» рис, как поел, я сразу будто рассудка лишился, всё делал словно в тумане, а потом вдруг, не знаю через сколько часов, но я прозрел и услышал голос, — губы Рэя вновь задрожали, но он сразу же поборол этот приступ страха. — Он сказал мне забрать вот это.

Наконец ходившая ходуном правая рука вылетела из-за его спины, и пред взором Стиви предстал длинный нож с необычным чернённым лезвием и ещё более чёрной, обмотанной кожей рукояткой.

— Господи боже, Рэй! — Стиви сглотнул и, не сводя взгляда с зеркальной отполированной поверхности стали, с надеждой спросил: — Я надеюсь ты никого им не убил?

— Я? — испуганно воскликнул Рэй. — Нет-нет, конечно же нет! Но убийство могло случиться, я в последнее мгновение успел вырвать его из рук человека, который собирался пронзить им тело ребёнка…

— Что?!

— Да-да, — речь Рэя всё больше становилась сбивчивой и хаотичной, — он не из этого мира, его глаза были красными а намерения злыми, я еле скрылся от его приспешников, но боюсь, что он явится за мной, придёт в ночи и утащит в свою тёмную бездну мою бедную, бедненькую душу. О, как теперь мне быть… бедный я… бедный я, несчастный… за что мне всё это… за какие дела на меня начал охоту сам дьявол во плоти…

Мысли, вырывающиеся из потока сознания Рэя через его рот, окончательно поплыли. Если изначально, Стиви ещё пытался вникнуть в то, что он говорил, то сейчас твёрдо уверился в том, что слова брата – просто бред обдолбанного наркомана. Эти жалость к себе и заунывные, всё непрекращающиеся причитания, стали для Стиви катализатором, причиной вдавить-таки педаль газа в пол.

— А теперь умолкни, и послушай меня, — угрожающе подняв вверх указательный палец, он надвинулся на Рэя и тот, испугавшись ещё больше, буквально вжался в угол между стеной и входной дверью. — Я не знаю, что ты сейчас принимаешь, да и если честно, мне абсолютно на это насрать, я не отец чтобы указывать, как тебе жить. Но не смей, слышишь, не смей вовлекать меня в свои наркотические игры! Ты думаешь это забавно, да? Явиться сюда и нагородить этой чуши. Неужели ты правда думал, что я поверю в такой бред? Держу пари ты и сам в него не веришь! Просто уже не можешь сдерживаться, ведь наркотики проели твой мозг, ведь они…

Стиви замер, он поймал себя на том, что от злости едва не захлёбывается слюной, а нервы его напряжены настолько, что на лбу вздулась и пульсирует крупная вена. С него было явно достаточно, и Стиви медленно повернулся вокруг своей оси и, бросив осадочным голосом:

— Сейчас я пойду в душ, и чтобы, когда я вернулся, тебя в моём доме уже не было, или, клянусь богом, я вызову полицию.

Неспешно поплёлся в сторону ванной.

— Но тот голос, — с надеждой на то, что брат изменит своё решение, еле слышно прошептал Рэй, — он велел мне спрятать нож, но я не знаю, Стиви…

Но Стиви не слушал. Ему было всё равно. Так ни разу и не оглянувшись он ушёл в ванную, в которой пробыл около пятнадцати минут, хотел подольше, но сон, так нагло и бесцеремонно прерванный, вновь вернулся и пожелал взять своё.

Направляясь в спальню, Стиви мимоходом бросил взгляд в прихожую и, убедившись, что незваный гость исчез, более не думал ни о чём, кроме как о том, как, наконец, опустит своё бренное тело на мягкое белоснежное облако, состоящее из матраса и простыни, и забудется долгим крепким сном без сновидений. Да, именно без них. Сегодня он слишком устал, чтобы участвовать в этих сюрреалистичных представлениях.

Глава 2

Стиви задыхался, он почти не мог дышать из-за то, что всю комнату заволок густой чёрный дым. Повсюду стоял отчётливый запах гари, забивавший пазухи носа и заставлявший его посекундно откашливаться. Он не понимал, что происходит, но ясно осознавал, что вокруг него, где-то за пределами, до которых добивал его взгляд, властвует огонь. Беспощадный, пожирающий всё на своём пути, он был уже близко. Как убийца, подкрадывающийся в ночи к своей жертве, он желал заполучить его душу, и Стиви будто бы был даже не против её отдать.

Он действовал слишком медлительно: неспешно поднимался с места, долго озирался по сторонам, словно заворожённый, наблюдая, как дым клубится под потолком, а после потратил слишком много времени, решая через какую из двух дверей ему лучше всего выбираться наружу. Он знал, что лишь одна из них приведёт его к спасению, и задворками мозга понимал, какая, но всё равно не решался ей открыть. Прежде чем сделать это ему нужно было найти смысл своего существования, что-нибудь, что заставило бы его задержаться на этом свете, что-нибудь, что было бы более соблазнительным, нежели долгожданная встреча с Шелли…

Сомнения с каждым мгновением становились всё более сумбурными, а жар пребывал. Он не умел ждать, не мог быть милосердным, ему было наплевать на заблудшую душу, которая очень нуждалась в руке помощи. Ему нужно было пожрать её, обуглить плоть, взорвать глаза и заставить чёрные от сажи кости вылезти наружу.

Стиви весь покрылся испариной, у него начала кружиться голова, а дыхание полностью перекрылось. Это был конец, бессмысленное завершение недолгой жизни, что принесла ему больше страданий, чем радости. Он был готов умереть, но в тот момент, когда казалось душа должна была отделиться от тела, он услышал чей-то голос. Настойчивый, твёрдый, он не был ни мужским и не женским, с ним словно говорило нечто высшего порядка. Существо, сущность из другого измерения, недоступного для понимания, примитивному человеческому мозгу.

— Ступай туда, где ты думаешь, она хотела бы тебя видеть.

Бесстрастный, но одновременно пышущий сотней чувств, он был вместе и загадкой, и ответом. Любой другой человек ничего бы не понял, но Стиви сразу всё стало ясно. Он любил Шелли, а она любила его и однажды, когда они лежали в обнимку после бурной ночи, сказала, что хотела бы дожить с ним до старости, а ещё лучше чтобы их жизни и вовсе никогда не кончались. Она не хотела умирать и не хотела, чтобы умер он. Поэтому, как бы больно ему ни было, Стиви сделал свой выбор.

Раскрыв нужную дверь, он оказался в длинном коридоре, стены и потолок которого нещадно лизали своими длинными языками всполохи огня. Время шло на секунды и, приняв решение, Стиви с готовностью последовал ему и бросился вперёд.

Он бежал так быстро, как мог. Стараясь не поднимать глаз, чтобы не опалить их, он молился лишь одному, чтобы коридор побыстрее закончился. Однако же тот, как назло, казался бесконечным. Выход, таящийся на другой стороне, оставался недосягаем, но Стиви не сдавался, покуда, горящие стены не приобрели руки, ноги и головы. Они кричали ему, просили помочь, а он, о ужас, знал их всех. Там были его родные, друзья, знакомые и даже те, кого он видел лишь раз в жизни, но запомнил их лики. Все они тянулись к нему, хватали его своими полыхающими конечностями и норовили прижать к себе.

Стиви, державшийся на грани, начал терять рассудок. Он кричал, ревел, смеялся, как последний безумец, и уже был готов перестать сопротивляться этим чудовищам, которые так рьяно пытались сделать его одним из них, как вдруг, перед ним возник новый силуэт. Тринадцать лет прошло с тех пор, как он видел его в последний раз. И это время сильно его потрепало. Одежда на нём превратилась в лохмотья, руки и ноги были иссушенными до самых

костей, а лицо, наполовину разложившееся, являлось домом для семейства дождевых червей. От него несло давно закопанной могилой, но этот землистый запах всё равно перебивала сигаретная вонь. Сэмюэл Дэвис был мёртв, окончательно и бесповоротно. Стиви сам закрывал крышку его гроба, но почему-то сейчас он стоял перед ним, а из его безгубого рта вырывались ошмётки слов, больше всего похожие на:

— Здравствуй, сын мой, давно не виделись.

Несмотря на то, что вокруг бушевал пожар, Стиви похолодел. Его рот словно завязали невидимыми нитями, а в глаза, наоборот, вставили распорки, не позволяющие им закрываться и сдвинуться в сторону, вниз или вверх, да, в общем-то, куда угодно, чтобы не видеть то, что стояло перед ним.

Но мертвецу было наплевать на его реакцию, выждав немного и не получив встречного приветствия, он вновь открыл рот, испещрённый жёлтыми сгнившими зубами, и прорычал:

— Ты ещё можешь спастись, и для этого тебе даже не нужно ничего делать, просто брось их всех, пускай они тонут, а сам живи как жил, и тебя ничего не коснётся. Понял меня?

Стиви с трудом заставил свою голову дёрнуться вверх-вниз, но мертвецу этого было недостаточно, и он (о, великий ужас) приблизился к нему, подтащил кости вплотную и, вперившись в сына своими пустыми глазницами, ещё раз прогрохотал:

— Ты понял меня?!

Судорожно сглотнув, Стиви на выдохе выпустил лишь одно слово:

— Да.

Мёртвые руки впились стёртыми костяшками пальцев в его плечи и шматки гнилого мяса на щеках задрожали, в истошном рёве:

— Ты понял меня?!

Доведённый до предела, обезумевший от страха, в полуобморочном состоянии, вдыхая трупный запах разложения, Стиви что было мочи проорал:

— Да! Да! Да!

На месте губ мертвеца словно промелькнула улыбка, он ослабил свою хватку, но тут же сильнее надавил Стиви на плечи и, шагнув вперёд, опрокинул его назад. Стиви споткнулся, потерял равновесие и упал. Вскрикнув от неожиданности, он зажмурил глаза, ожидая болезненной встречи с полом, но её не произошло ни в это мгновение, ни в следующее. Минула ещё минута, а он так и продолжал парить в воздухе.

Подумав о том, что неизвестность всегда хуже горькой правды, Стиви, приложив немало усилий, размежил веки и взглянул вниз. То, что он увидел, заставило его издать самый безнадёжный, самый пронзительный вопль, который когда-либо извергался из человеческого нутра.

Там, куда он падал не было ничего, ни пожара, ни мертвецов, ни таинственных голосов. Лишь одна бездна, чёрная, всепоглощающая пасть бесконечной тьмы, имя коей – смерть…

***

Стиви вскочил с кровати и тут же едва не свалился на пол. Первые мгновения он совершенно не понимал, что произошло, но потом, постепенно реальность начала брать своё, и он осознал, что выбраться из самого жуткого кошмара в его жизни ему помогла Нина Симон, пронзительно выводящая ноту за нотой своей культовой песни «Feeling Good», что уже лет шесть как была неизменным рингтоном на всех его телефонах.

Левой рукой содрав с глаз тонкую пелену ушедшего сна, правой Стиви нащупал исходящийся в вибрации телефон и, разглядев на экране имя: «Элла», приготовился принять вызов.

Стиви был уверен, что сестра звонила ему по поводу Рэя, и что она любо не могла найти этого идиота, либо же, наоборот, хотела пожаловаться на то, что он окончательно выжег себе наркотой все мозги. В любом случае, разговор должен был быть не из приятных, благо Стиви

был к этому готов, и, смахнув зелёный значок на сенсоре вправо, сухим ото сна голосом проговорил:

— Да, Элла, я слушаю.

— Стиви… — Элла всхлипнула, в её тоне слышалась неприкрытая грусть, граничившая с паникой. — Стиви, Рэй, он…

Сердце Стиви сжалось до размеров теннисного мяча, он был довольно проницательным человеком и понял всё ещё до того, как, высморкавшись и удержав на минуту рвущиеся наружу рыдания, Элла сказала:

— Он умер, Стиви, нашего младшего братика больше нет…

***

Она всегда приходит внезапно, даже когда ты её ждёшь. Она не стучится в дверь, а выламывает её, причём делает это искуснее самого профессионального домушника. Она всегда одета в чёрное платье, за которым тащится шлейф из горьких слёз. Она умывается ими по утрам и принимает из них ванну перед сном, которого правда у неё не бывает, ибо она никогда не спит. Ведь работа смерти не может остановиться даже на одно мгновение, у неё нет выходных, нет отпуска, она не может позволить себе даже больничный.

Что ж, Стиви бы, несомненно, пожалел её, если бы всё его внимание не было прикован к белому, словно покрытому гримом, лицу его младшего брата. Мёртвого брата, который уже устроился на вечный покой в своём новом жилище. Правда таковым оно будет ему не очень долго. Всего один год, которого субтропическому климату Нового Орлеана хватит для того, чтобы от трупа остались одни лишь кости. После чего он извлечётся из гроба и захоронится в землю в печной гробнице, освободив место в надземном склепе для нового временного «жителя».

Стиви ненавидел кладбище Кэрроллтон, как, впрочем, и все остальные кладбища Нового Орлеана. Из-за особой местности города, расположения его ниже уровня моря, окружения болотами и заливанием постоянными сезонными дождями, в прошлые времена тела, похороненные в земле, имели неприятную и довольно частую тенденцию всплывать на поверхность. Поэтому местные власти, за неимением другого выхода, решили хоронить умерших над землёй, в специальных гробницах. Со временем они стали чуть ли не визитной карточкой города, а такие старейшие кладбища, как Сент-Луис №1 и Лафайет, продолжают год из года проносить между своими старинными склепами тысячи ротозеев-туристов. Хотел бы Стиви посмотреть, как их родных укладывают в пустые ниши почерневших от времени фамильных склепов, а потом избавляются от их костей, как от ненужного хлама. Так бы им было весело, как сейчас?

Он недовольно нахмурил лоб и тут же его расслабил. У него не было сил злиться. Последние два дня были сущим кошмаром. Внезапная смерть Рэя, наступившая, как посчитали врачи, от сильного испуга, который привёл к летальному сердечному приступу, повергла в шок всю семью.

Дэвисы были разбиты и сломлены. Элла целый день почти не переставая рыдала, её сын, маленький Малкольм, замкнулся в себе и ни с кем не разговаривал, а Стиви… что ж, он не мог перестать винить себя в смерти брата. К его самоличному прожариванию на адском огне подлила масла и их мать Шонда, которая, едва Стиви утром двенадцатого числа переступил порог родного дома, тут же набросилась на него с расспросами. Дело в том, что по телефону Стиви сказал Элле о том, что виделся ночью с Рэем (как оказалось, он был последним, кто видел его перед смертью, которая наступила через два часа после того, как Рэй ушёл из дома Стиви). Он не вдавался в подробности, был слишком шокирован случившимся, но Шонда услышала достаточно для того, чтобы сразу же спустить на своего старшего сына всех собак. Она разом припомнила ему и полную отстранённость от семьи, и безучастное отношение к

воспитанию младшего брата, а также абсолютное безразличие к проблемам Рэя, с которыми он пришёл к нему, как к последнему оплоту помощи.

Стиви принимал все словесные удары матери стойко. Он признавал свою вину и раскаивался в том, что произошло. За последние два дня он сотню раз переигрывал у себя в голове последнюю встречу с братом. Вспоминал, как накричал на него и велел убираться прочь, как не увидел в его расширенных, сквозящих страхом зрачках предвестие катастрофы, и как спокойно после их разговора лёг спать, в то время как Рэй прямо на улице, всего в двух кварталах от его дома, в одиночестве проживал свои последние мгновения перед смертью.

Стиви не мог больше об этом думать, но и не имел возможности прекратить перематывать взад и вперёд эти бесполезные воспоминания. Как сомнамбула он прошёл через прощание и выслушивание скорбных речей и несильно ободряющих слов поддержки, и всё время ловил себя на чувстве дежавю. Вызванном тем, что он совсем недавно уже проходил через всё это. Всего два года прошло. И вот он опять был на кладбище, опять слушал заунывные речи священника и опять ощущал себя полным ничтожеством.

Сколько человек может выдержать душевной боли? Сколько он способен глядеть на мраморные лица своих близких, которые покинули эту жизнь многим раньше положенного срока? Сколько ещё будет властвовать смерть и обрекать своим незримым присутствием жизнь на вечное прозябание в унынии?

Стиви был так подавлен, что готов был забраться в гроб к Рэю и велеть всем присутствующим заодно похоронить и его, закончив бесславное существование мужской линии семейства Дэвисов. Но в самый пик отчаяния его кипящий, бурлящий и взбудораженный до предела мозг, вдруг сжалился над тем, кто носил его в своей черепной коробке. И вместо того, чтобы вновь, в очередной раз переиграть события последних дней, он открыл доступ к воспоминанию, спрятанному так глубоко, что Стиви уже успел о нём позабыть. Но всё же когда-то оно было реальностью, и память записала его на свой жёсткий диск, чтобы сейчас, в самый подходящий для этого момент, поставить в кассетник нужную кассету и нажать на кнопку: «Play».

***

— Стиви, сынок, будь добр сбегай в дом и скажи своей матери, чтобы она отдала тебе мясо для жарки.

Довольный, с улыбкой до ушей, Стиви кивнул отцу и бросился в дом. Он бежал так быстро, что едва не сбил с ног свою сестру. Элла недовольно фыркнула, прямо как кошка, готовая к прыжку, но он не обратил на неё никакого внимания и продолжил свой путь на кухню. Влетев туда со скоростью урагана, он увидел мать и сидящего у неё на коленях Рэя.

Стиви поморщился, когда его взгляд скользнул по пухлому розовощёкому лицу брата. Совсем недавно ему исполнилось пять лет, и он был сущим кошмаром. За неимением в доме лишних комнат, Рэй жил в одной комнате вместе со Стиви и почему-то считал, что все игрушки старшего брата принадлежали ему. Но будто этого было мало, он присвоил себе также и школьные тетради Стиви, разрисовав их обложки ломанными кривыми линиями, которые извергал из своих недр ярко-красный фломастер, и, что было уже совсем за гранью – старые потёртые книги, появившиеся в комнате Стиви несколько лет назад и за это время ставшие чуть ли не самыми дорогими для него вещами. На их обложках полустёртым золотистым цветом было выведено: «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона». Стиви зачитывался ими до глубокой ночи и пребывал в безудержном восторге от прочитанного. Так было, пока Рэй из родительской спальни не переселился в его комнату и всё ему не испортил.

Стараясь не смотреть на брата, который сразу же приковал к нему взгляд своих весёлых карих глаз, Стиви с уже уменьшившимся энтузиазмом обратился к матери:

— Папа сказал, что уже можно нести мясо.

— Отлично, — Шонда улыбнулась, оголив пустое место от вырванного снизу накануне зуба (собственно, именно его потеря путём очень болезненного удаления и стала причиной того, что отец решил подбодрить жену, да и всю семью, сильно переживавшую за неё, устроив вечер барбекю), — возьми в холодильнике, оно в кастрюле с поломанной крышкой.

Стиви, как мог, быстро залез в холодильник, схватил кастрюлю и уже собирался возвращаться назад на улицу, как вдруг мать его остановила, сказав:

— Не так быстро, молодой человек, мне нужно сходить в уборную, поэтому забери с собой Рэя, и Стиви, — её глаза сузились, а голос приобрёл суровые нотки, — когда я говорю забери, это значит, возьми брата за руку и приведи его к отцу.

Стиви хотел было возразить, заявить, что Рэй и сам способен отлично переместиться из дома во двор, но взгляд матери был слишком красноречив. Глубоко вздохнув, он нехотя переложил кастрюлю в одну руку, другой же грубо ухватился за маленькую ладонь Рэя, которого быстро потащил на улицу.

В процессе их передвижения Стиви не особо заботился о том, чтобы его брату было комфортно идти за ним. И перед тем, как выйти на лужайку, они успели крупно поссориться, так что крики, которыми они поливали друг друга, как пожарные горящее здание, уже разносились вдаль по всей улице.

— А ну живо прекратите ругаться! — обычно всегда мягкий, поспешивший к ним навстречу отец разом переменился в лице, он выхватил у Стиви из правой руки кастрюлю с мясом и, развернув сыновей к себе лицом, твёрдо проговорил: — Вы же братья, как вы можете так обращаться друг с другом!

— Это он первый начал! — не в силах сдержаться воскликнул Стиви.

— Неправда, — шепеляво парировал Рэй, — он тащил меня слишком сильно, и я почти упал!

— Успокойтесь, вы оба! — прикрикнул отец, и они сразу же замолчали, ибо никогда ещё не видели Сэмюэла таким рассерженным. — В последнее время вы собачитесь, как щенки разных пород, которых посадили в одну клетку. Разве так можно? Вы ведь самые дорогие друг-другу люди! Минует десять, двадцать, тридцать лет, через вашу жизнь пройдут десятки человек, но никто из них не будет ближе родного брата. Вы должны ценить каждого мгновение, проведённое вместе, должны поддерживать и уважать друг друга, и помнить, всегда помнить, что семья – это маленький островок в безбрежном океане, состоящем из людей, которым наплевать на вас. Останься вы с ними один на один, и они поглотят вас, прожуют и даже не заметят. В этой жизни можно опереться только на свою семью, только она всегда будет с вами рядом чтобы ни произошло.

Слова отца сильно повлияли на Рэя, но ещё больше они оказали влияние на Стиви. Он прислушался к ним и сделал своим личным кредо – отныне всегда быть горой за свою семью. Это кредо ему очень скоро понадобилось, когда через полгода отца не стало. И он следовал ему, старался следовать, как мог, но жизнь – слишком непредсказуемая штука. В конце концов, даже обещания, дающиеся самому себе, превращаются в пыль, что уносит в небытие ветер перемен…

***

Похоронная церемония завершилась через несколько часов. Рэй упокоился в семейном склепе, и все прибывшие в это пасмурное воскресное утро на кладбище люди постепенно начали двигаться в сторону выхода. Сохраняя на своих лицах скорбные выражения, мысленно они уже планировали, как лучше и более продуктивно провести остаток выходного дня. Одни мечтали о том, как придут домой и надерутся в стельку, другие хотели посвятить свободное

время детям, третьи же с энтузиазмом планировали свидание, которое вполне могло привести к появлению оных в ближайшем будущем.

Они были так непохожи друг на друга, но и одновременно с этим совершенно одинаковы. У всех них была цель, неважно какая, но она была, и они следовали к ней. Стиви же брёл бесцельно, медленно передвигая задеревеневшие от долгого стояния на одном месте ноги. Он был один, Шонда, Элла и Малкольм остались возле гробницы чтобы напоследок омыть её серые потрескавшиеся стены своими слезами. Стиви хотел остаться с ними, но быстро понял, что будет там лишним. От этой мысли ему стало тяжело на душе. Он столько времени старательно открещивался от семейных уз, жил жизнью одиночки, плевавшего в лицо завтрашнему дню, и его всё устраивало. Но больше так продолжаться не могло. Стиви осознал это очень отчётливо. Если сейчас он снова закроется в себе, то уже очень скоро займёт своё место сверху над Рэем (гробница была не очень большой, но на двоих места там хватило бы с лихвой). С двумя внезапными смертями он смог справиться, но вот третья – это было выше его сил. Слова отца заново высекались на священных скрижалях, надёжно спрятанных в его голове, и Стиви, как и тогда в четырнадцать лет, готов был последовать за ними. Ему нужна была семья, всё, что от неё осталось, а он нужен был ей, но не сейчас, не в этот момент. Сейчас они должны были дать волю своему горю, а он должен был в одиночестве брести по узкой кладбищенской дорожке навстречу, как он искренне надеялся, чему-то светлому, кое обязательно наступит, если в этом мире всё-таки есть справедливость.

Стиви был настолько сильно погружён в свои мысли, что не услышал, как за его спиной раздались шаги. Они быстро приближались и когда рука того, кому они принадлежали опустилась на его плечо, Стиви вздрогнул от неожиданности и громко клацнул зубами, едва не прикусив щёку. Но обернувшись и увидев своего преследователя, он шумно выдохнул и сразу же успокоился.

Это была Джесс. Джессика Ингрэм – бывшая одноклассница и лучшая подруга его сестры. Несмотря на то, что Стиви не пересекался с ней уже много лет, он сразу же её узнал – со школы Джесс почти не изменилась, разве что стала более зрелой, что само собой входит в привычный порядок вещей, когда возраст человека переходит через черту четверти века.

— Ох, прости, — смущённо улыбнувшись, проговорила она, — я не хотела тебя напугать.

— Всё в порядке, Джесс, — легонько покачав головой, ответил Стиви, — я сам виноват, слишком уж глубоко ушёл в себя. К сожалению, в последнее время это происходит довольно часто.

— Я могу лишь представить какого тебе, — Джесс поравнялась со Стиви, и они вместе продолжили неспешно брести в сторону выхода, — всё случилось так неожиданно. Ну то есть, я, конечно, знала о том, что у Рэя были проблемы, но не думала, что всё настолько плохо.

— Я тоже так не думал, был слишком зациклен на самом себе. Он ведь пришёл ко мне за помощью, надеялся, что старший брат подставит ему своё плечо, а я… выставил его за дверь.

Стиви и сам не знал зачем он говорил всё это. Они с Джесс никогда не были близки, и несмотря на то, что в школьные годы она частенько бывала у них дома, дальше приветствия и стандартного вопроса: «Как дела?», их общение никогда не доходило. А потом Стиви поступил в университет, перебрался из дома в общежитие, и они совсем перестали видеться. Но сейчас именно она была рядом, а ему нужно было выговориться, нужно было поделиться с кем-нибудь тем, что сидело в его голове и снедало его изнутри.

— Ты не должен винить себя, — через некоторое время, с явным намерением подбодрить его сказала Джесс, — мы всегда совершаем ошибки, такова уж наша природа. Ты не знал, что так сложится, был слишком разбит своим собственным горем, я это очень хорошо понимаю.

Договорив, Джесс печально опустила взгляд в землю, и Стиви подумал, а не стоит ли ему спросить о том, какая трагедия случилась в её жизни. Но пока он решался, момент был упущен, и они продолжили свой путь в гробовом молчании. Которое первой прервала Джесс.

— На самом деле я пошла за тобой не просто так, — Стиви удивлённо взглянул на неё, и девушка поспешила объясниться, — нет, не в том плане что я преследовала тебя, просто меня кое-что тревожит, и я хотела бы это с тобой обсудить.

— Что-то не так? — Стиви остановился и, не сводя встревоженного взгляда с тёмного, блестящего на солнце лица Джесс, добавил: — Ну то есть в контексте нормальности последних дней.

— Просто, видишь ли… — Джесс осторожно подбирала слова, боясь оступиться, как экстремал, перебирающийся через ущелье по хлипкому полусгнившему деревянному мосту, — я не знаю говорила ли тебе Элла или нет, но я уже долгое время практикую вуду. Бабушка передала мне все свои знания вместе с магазином, и я постаралась с годами их преумножить. Так вот, в общем, мне кажется, что, возможно, смерть Рэя наступила не от естественных причин.

Стиви был совершенно сбит с толку. Ярый скептик, в любых других обстоятельствах он бы, наверное, рассмеялся Джесс в лицо, разумно предположив, что она шутит. Но девушка выглядела слишком серьёзной, и Стиви не оставалось ничего иного, кроме как спросить:

— И что же навело тебя на такие мысли?

— Во-первых, — Джесс загнула большой палец левой руки, — твой рассказ о последней встрече с Рэем. Элла передала мне его суть, и, я считаю, что он, как минимум, очень тревожный. Рэй говорил о каких-то плохих людях, которые желали смерти ребёнку, принёс с собой нож…

— Он был под наркотиками, — нетерпеливо перебил её Стиви, — нёс полный бред, который сам не понимал.

— А что, если нет? Что если он говорил правду? В религии вуду есть злые колдуны – бокоры, которые могут влезть человеку в голову и заставить его делать то, что он сам никогда бы не сделал в здравом уме и твёрдой памяти.

Стиви быстро замотал головой из стороны в сторону, рационалист внутри него спешно начал бить тревогу и, желая закончить этот повернувший совсем не туда разговор, он начал было говорить:

— Джесс, я всё…

— Послушай, Стиви! — чуть ли не вскрикнув, прервала его Джесс, затем быстро оглянувшись по сторонам и, поняв, что вокруг них нет ни души, она продолжила, но уже на полтона ниже: — В последние месяцы Рэй перестал стричься, его волосы почти доходили до плеч, а когда его нашли мёртвым, почти половина их с левого бока исчезла.

— Врачи сказали, — немного раздражённо парировал Стиви, — что он вырвал их себе сам в порыве неконтролируемого…

— Может быть так, а может и нет, а ещё у него были буквально в самое мясо срезаны ногти.

— Ну это уж вообще не показатель...

— Обычно да, но отрезанные волосы и обрезанные ногти явный признак того, что бокор проявляет интерес к мёртвому телу. Добавить сюда всё, что говорил Рэй и, я боюсь, что возможно все вы в опасности, Стиви. И я очень рекомендую провести ритуал защиты возле надгробия, чтобы никто и… ничто не добралось до тела Рэя.

Стиви глубоко вздохнул. Он не хотел ругаться с Джесс, не хотел повышать на неё голос, называть сумасшедшей и так далее и тому подобное. Ему просто хотелось уйти, оставить её наедине с тем бредом, который она наговорила, и спокойно вернуться к своему уединению. Перебрав в голове несколько фраз, которые могли бы привести его к подобному развитию событий, он сказал:

— Я не хочу тебя обидеть Джесс, но я не верю в вуду, не верю в колдунов и ритуалы. Я всю свою жизнь прожил в этом городе, я знаю каким его представляют для туристов, знаю

про ночные экскурсии на кладбища, где их постановочно пугают до чёртиков, но, увы, я во всё это не верю. Рэй мёртв, и никакая сила не вернёт его к жизни, даже сам Великий Доктор Франкенштейн. Я очень признателен за твоё внимание, но, не думаю, что нам что-либо нужно делать для чьей-либо охраны.

Сказав это, Стиви хотел попрощаться с Джесс. Она была расстроена и после его слов явно больше не изъявляла желания продолжать попытки пробить его скептицизм. Однако сделать ему этого не удалось. Что-то вспомнив, Джесс подняла вверх указательный палец и, опустив другую руку в свою небольшую чёрную сумочку, вытащила из неё маленький мешочек, полностью помещавшийся в её открытой ладони. Он был сшит напополам из красной и чёрной ткани, а сверху был перевязан тугой бечёвкой. Протянув его Стиви, Джесс проговорила, и в голосе её звучала слабая надежда:

— Это – Гри-гри – талисман, который защищает своего владельца от зла и приносит ему удачу. Прошу, я сделала его специально для тебя, он очень мал, легко поместится в любом кармане и не будет доставлять тебе неудобства.

Стиви слегка поджал губы. Джесс так искренне верила, что этот шестисантиметровый кусочек ткани принесёт ему удачу, что он просто не смог ей отказать и принял подарок, а затем, даже не удостоив его мимолётным взглядом, сразу же впихнул мешочек в карман своих штанов.

После этого они в молчании дошли до первой же развилки, где, неловко попрощавшись друг с другом, разошлись в разные стороны.

***

Когда утро перетекло в день, Дэвисы собрались в отчем доме на Чероки-стрит. Разбитые и подавленные, они в гробовой тишине провели поминальную трапезу. Каждому было что сказать, но никто не решался начать первым. Им нужно было время, больше времени, чтобы Рэй стал воспоминанием, а не призраком, маячившим за спиной. Они должны были смириться с его смертью, принять её и жить дальше, как делают все и всегда. Или вернее, как нужно делать всем и всегда… Увы, смирение и принятие временами задерживаются на неопределённый срок, а иногда, как в случае со Стиви, не приходят вовсе.

Но в этот раз он готов был впустить их в свою душу. И первым шагом, сделанным на этом пути, стало его решение не покидать родительский дом после обеда, а задержаться в нём подольше. К облегчению Стиви, озвучившего это желание, когда все встали из-за стола, никто не был против его присутствия, и даже наоборот. Элла очень обрадовалась затянувшейся компании старшего брата, ибо когда он был рядом, ей удавалось держать себя в руках и не срываться в рыдания. Шонда, до этого спустившая на Стиви всех собак и чуть ли не обвинившая его в смерти Рэя, немного успокоилась, и хоть, конечно, она ещё злилась на сына, ей было по душе, что он не оставил их в такой трудный час самих бороться с неотступающим горем. Больше же всех тем, что он остался, был доволен Малкольм.

Оказалось, что он уже много месяцев с нетерпением ждал возможности поговорить со своим дядей. Причина такого интереса заключалась в том, что Малкольм в свои семь с половиной лет, уже знал наизусть содержимое двух книг Стиви. Поражённый таким открытием, его дядя вопросительно обратился к Элле, но та лишь развела руками и сказала, что ему определённо стоит пообщаться с племянником, и что Малкольм наверняка сможет его удивить.

Видевший за свои двадцать семь лет в жизни всякое, Стиви отнёсся к её словам с лёгкой улыбкой неверующего, но стоило ему провести несколько часов наедине с племянником, как он быстро избавился от своего скептицизма. Малкольм был невероятно одарённым мальчиком, а его мышление сильно опережало биологический возраст. Он на отлично учился в школе, мог

поглощать огромнейшие вагоны информации и при этом имел неплохой вкус в художественной литературе.

Конечно, каждому писателю приятно, когда кто-то хвалит его работу. Но когда этим кем-то является родной, близкий человек, самостоятельно заинтересовавшийся и наседавший на свою мать до тех пор, пока она не разрешила ему взяться за чтение книг, которые, она была уверена в своём возрасте, он совершенно не поймёт, внутри у автора расцветает уникальный, ни с чем не сравнимый букет чувств, запахи которого сливаются вместе в настоящую эйфорию.

Стиви был в восторге от умозаключений и размышлений Малкольма настолько, что готов был позвонить Джереми и признать, что тот был чертовский прав, когда настаивал на том, чтобы он как-нибудь встретился и поговорил со своим племянником. Стиви нуждался в этом общении, как в глотке свежего воздуха, и после того, как день склонился к вечеру, их языки устали, а Элла увела активно отпирающегося и нежелающего оставлять компанию своего дяди Малкольма принимать ванну, он, наконец, впервые за долгое время смог ощутить пряный, будоражащий каждую клеточку тела вкус к жизни. И вкус этот ему очень понравился, равно как и понравилось ощущать себя живым и по-настоящему кому-то нужным.

***

Стиви остался ночевать в гостиной. Он не мог, да и не хотел спать в своей бывшей комнате на чердаке, хотя когда-то давным-давно считал её своим личным убежищем. Вообще, изначально Стиви должен был провести всё свое детство в комнате, расположенной рядом с гостиной, но после того, как родилась Элла, отец решил, что брату и сестре со временем понадобится личное пространство, и переделал часть чердака, сделав там вторую детскую, за которую между Эллой и Стиви развернулась долгая и упорная борьба, разрешившаяся лишь тогда, когда родился Рэй. Поскольку комната на чердаке была чуть ли не в два раза больше детской внизу, Рэй окончательно перевесил чашу весов на мужскую сторону. Элла смирилась с этим не сразу, но всё же со временем она нашла в себе силы признать поражение.

Стиви и Рэй жили на чердаке вплоть до того, как первый не поступил в университет. К тому времени обстановка в доме уже давно была не самой лучшей, и Стиви редко появлялся дома, предоставив комнату в полное распоряжение младшего брата. Однако Рэй не долго был её полноправным владельцем – вскоре Элла родила Малкольма. Первое время живший в колыбели в комнате матери, он немного подрос и, следуя уже сложившимся традициям младших Дэвисов мужского пола, перебрался на чердак, где занял пустующую кровать Стиви.

Но теперь одна кровать вновь пустовала, и Стиви, как не упрашивал его Малкольм, так и не решился её занять. В конце концов, сейчас он был чужим в этом доме, а значит, должен был довольствоваться раскладным диваном в гостиной, на котором останавливались на ночёвку малочисленные друзья или дальняя родня, которую раз в пять лет, а то и реже, заносило в дом Дэвисов. Он был немного жестковат, а пара пружин на уровне поясницы так и норовила прорвать ткань и вонзиться в спину, но Стиви это вполне устраивало, хоть и совершенно не давало, наконец, погрузиться в сон.

Стрелки висящих на стене старых пыльных часов уже давно перевалили за полночь, но усталость, накопившаяся за прошедший долгий и очень тяжёлый день, всё не смеживала его веки. Стиви думал о жизни и о смерти. Больше, конечно, о смерти, что всегда бродит где-то рядом, царапает когтями угол кровати, скрипит прикрывшейся от дуновения ветра дверью, тянет свои чёрные бесформенные сухие пальцы к соскользнувшей с края матраса ноге и громко гогочет, когда ей-таки удаётся ухватиться за лодыжку. Ты никогда не знаешь, когда она доберётся до тебя, не сможешь предсказать свой последний день и заранее к нему подготовиться, если только… не решишь уйти из жизни добровольно.

После смерти Шелли Стиви несколько раз хотел наложить на себя руки, но каждый раз, подойдя к опасной черте, в панике отступал назад. Он корил себя за трусость, но ничего не мог поделать, что-то внутри него, какое-то глубинное чувство заставляло его жить дальше, и он жил, без надежды, без веры, без ничего. В полной беспросветной пустоте.

Пребывая в тенётах упаднических размышлений, Стиви услышал резкий глухой треск. Он нахмурился и настороженно приподнялся на локтях, ожидая не повторится ли этот звук снова. Через несколько секунд он прозвучал вновь, только на этот раз был более настойчивым.

По спине Стиви прошёлся неприятный холодок. Мысли о смерти заставили его воображение рисовать поистине ужасающие картины того, что могло издавать этот треск. Образы жутких чудовищ сменяли одно другое в его голове, пока он, наконец, не пресёк порыв страха, и не попытался выяснить реальную причину того, что заставило его так сильно нервничать.

Медленно, чтобы не разбудить спящую в соседней комнате мать, он приподнялся на диване, всунул холодные влажные ноги в мягкие домашние тапочки и осторожно, стараясь не наступать на особенно скрипучие половицы, направился туда, где странный звук продолжал повторяться с завидной периодичностью.

Он уже прошёл половину комнаты, как вдруг громом среди ясного неба раздался звонкий лязг и тайное стало явным – кто-то пытался взломать дверной замок, и его действо окончилось успехом.

Давно несмазанные петли протянули свою заунывную песню, и дверь приоткрылась. Стиви замер на месте, ужас приковал его ступни к полу, и он не мог пошевелиться. Кто-то вошёл в дом. Кто-то, у кого были тяжёлые шаги. И этот кто-то приближался к нему. На лбу Стиви выступили крупные капли пота, он пытался собраться с духом, но не мог сложить себя воедино – шаги становились всё громче. Единственным, что он сейчас понимал и отчётливо осознавал было то, что ему, вероятно, придётся бороться за свою жизнь. Впервые за двадцать семь лет пустить в ход кулаки.

Когда некто или нечто, ворвавшееся в дом, было уже в нескольких метрах от проёма, открывавшего вход из коридора в гостиную, Стиви принялся лихорадочно вспоминать уроки отца, тщетно пытавшегося обучить его приёмам самообороны. Естественно, он ничего не смог вспомнить и решил действовать по наитию. Сглотнул, с силой сжал кулаки, так, что ногти больно впились в ладонь, и…

Чёрный силуэт возник в сумрачном проёме. Упорно вглядываясь во тьму, Стиви вовсю силился разглядеть его лицо, и когда лунный луч, пробившийся через тучи и вонзившийся в окно, помог ему, он вскрикнул от неожиданности и тут же закрыл рот рукой. Незнакомец прошёл дальше по коридору, не удостоив гостиную своим вниманием.

Ноги Стиви отклеились от половиц, страх ушёл, он совершенно ничего не понимал, но был просто несказанно рад, даже счастлив. Выбежав в коридор, он догнал продолжавшего двигаться вперёд странной шаркающей походкой человека и, положив руку ему на плечо, возбуждённо проговорил:

— Рэй, помилуй господи, это и правда ты?!

Ночной гость с силой смахнул руку Стиви с плеча, заставив его отшатнуться в сторону и без ответа убедиться в правоте своего первоначального безумного предположения. Перед ним, повернувшись спиной, и правда стоял Рэй. Живой во плоти, он словно вышел погулять, а теперь пытался вернуться в свою комнату. Он уже поставил одну ногу на нижнюю ступеньку ведущей на чердак самодельной лестницы, когда, сорвавшись с места, Стиви бросился к нему и радостно воскликнул:

— Братишка, дорогой мой, я так рад, что ты жив! Но, как это…

Он не успел договорить. Стремительно развернувшись, Рэй механическим движением руки схватил Стиви за плечо, вонзив пальцы так глубоко, что у не ожидавшего такого поворота событий его старшего брата на глазах навернулись слёзы, приподнял его тело на несколько

сантиметров от пола, а затем, вывернув кисть в неестественном положении, швырнул его в стену.

Бросок был так силён, что Стиви не успел среагировать. Двигаясь по инерции, его тело пролетело добрых три метра, но когда уже казалось, что столкновение со стоящим у стены шкафом было неизбежно, какая-то неведомая сила потянула Стиви за левый карман штанов в сторону, и он приземлился на пол, чудом не насадив голову на один из его острых углов. Но несмотря на то, что худшего не произошло, удар всё равно получился весьма болезненным, и Стиви потребовалось некоторое время чтобы прийти в себя. Когда же он смог вернуться в реальность, то первым же делом обратил свой взор на Рэя и увидел, как тот странными косолапыми движениями перемещал свои ноги вверх по ступенькам. В коридоре было достаточно темно, но привыкшие к мраку глаза Стиви всё же смогли распознать странные перемены в действиях его конечностей, что вкупе с агрессивным поведением и зловещим молчанием заставило Стиви подняться на ноги и остановить брата. Наверху, в их бывшей комнате спал Малкольм, а Рэй был явно не в себе, и кто знает, чтобы он сделал, когда добрался бы до чердака – возможно, завалился бы на свою кровать и уснул, но, может быть, наоборот, продолжил бы проявление бессмысленной агрессии.

Издав громкий вопль, служащий одновременно подбодрением самого себя перед потенциально первой дракой в жизни, а также сигналом для остальных домочадцев покинуть земли Морфея и вернуться на землю обетованную, Стиви набросился на Рэя. Вцепившись сзади ему в плечи, он полной грудью вдохнул исходящий от тела брата смрад. Воняло мёртвой, начавшей разлагаться плотью. Это сбило его первоначальный настрой, и вместо того, чтобы сдёрнуть брата с лестницы и повалить его на себя, он беспомощно повис на нём, как пиджак на плечиках вешалки, и ждал, пока Рэй медленно, ступенька за ступенькой, не спустится вниз сам.

Стиви накрыла паника, он не понимал, что случилось с его братом, не знал, каковой будет его реакция, когда он освободит руки и выпрямится в полный рост, но был готов, если нужно, пустить в ход кулаки. Секунды казались часами, и когда Рэй обоими ногами стал на половицы, и Стиви приготовился к худшему, сверху и сбоку раздались беспокойные быстрые шаги, и почти одновременно открылись дверь слева и люк на чердак.

Выскочившая в коридор Элла, мгновенно оценив обстановку и увидев, что Стиви борется с каким-то человеком, облик которого скрывала ночь, крикнула показавшемуся сверху напуганному лицу Малкольма:

— Закрой люк на ключ и не отпирай, пока я не разрешу!

И тут же, после того, как эти слова сорвались с её губ, а Малкольм без возражений им последовал, она перевела взгляд с потолка вниз и упёрлась глазами в немигающие белёсые зрачки человека, которого утром похоронила в семейном склепе на кладбище Кэрроллтон.

Удивление, ужас и радость разом отразившиеся на её лице, не успели вырваться наружу – Рэй оскалился, обнажив чёрные зубы, между которых копошились опарыши и, подняв правую руку, вонзился скрюченными покрытыми красными и синими пятнами пальцами в шею сестры. Дыхание Эллы перехватило, а в её глазах сразу же потемнело. Ухватившись обеими руками за склизкие вязкие пальцы Рэя, она пыталась оторвать их от своего горла, но все попытки были тщетны. В поисках спасения она судорожно поводила взглядом вокруг и натолкнулась на Стиви, который бездыханным лежал на полу. Видимо, за то время, покуда она кричала Малкольму замкнуть люк, Рэй смог-таки скинуть его с себя. Понимая, что старший брат – её единственная надежда, она собрала последние капли воздуха, оставшиеся в лёгких, и что было мочи завизжала. Надежды на успех было мало, особенно если Стиви от удара потерял сознание, но, к счастью, кто-то там, наверху, сегодня был к ней милостив.

Стиви вырвался из плена забвения и окунулся в мир боли. Его голова раскалывалась так, будто по ней ударили кувалдой. Ещё хуже стало, когда в коридоре вдруг резко зажегся свет. С силой зажмурив глаза, он быстро проморгался и щёлочками глаз увидел свою мать. Шонда

тряслась от страха, смотря куда-то позади него. Её пальцы так и замерли на выключателе, а рот был полуоткрыт так, словно она хотела что-то сказать, но слова застряли у неё в горле. Пытаясь собраться с силами и встать, Стиви не сводил взгляда с матери, он всерьёз опасался за её здоровье и больное сердце и, как оказалось, не зря – выстояв около минуты, Шонда вдруг пошатнулась, её глаза закатились вверх и она плавно, уперевшись телом в стену, сползла вниз и замерла на полу. Обморок матери (а Стиви надеялся, что это был именно он) окончательно привёл его в себя.

Он вскочил, оглянулся и понял, что так сильно напугало Шонду. В ночном сумраке тело Рэя казалось Стиви вполне обычным, разве что немного мягковатым. Но он спокойно мог списать это на все злоключения, через которые пришлось пройти его брату. В частности, на влияние клинической смерти, которая вдруг неожиданно отступила и дала Рэю возможность выломать сначала крышку гроба, а затем и стенку гробницы. Но при включённом свете его глазам стало доступно такое зрелище, от которого у Стиви волосы на затылке встали дыбом.

Он не мог поверить тому, что видел. Не мог и не хотел, но должен был. Потому что нечто в теле его брата, мёртвом теле, по шее которого расползались синюшные трупные пятна, появляющиеся только после смерти, пыталось убить его живую сестру. В чём уже почти преуспело – лицо Эллы было бледно-зелёным, а руки, до этого пытавшиеся сбросить мёртвые пальцы со своей шеи, беспомощными плетьми болтались вдоль корпуса.

Оглядевшись по сторонам в поисках чего-нибудь, что можно было использовать как оружие, Стиви, недолго думая, схватил стоявшую на шкафу вазу для цветов, подскочил к Рэю и наотмашь нанёс ей удар по его затылку. Столкнувшись с препятствием, ваза с громким звоном разлетелась на сотни кусочков, но Рэй даже не шелохнулся. Он так и остался стоять на месте и выдавливать жизнь из горла Эллы. Не помешало этому даже то, что от удара вазой у него почти полностью оторвало левое ухо, оставшееся висеть возле его щеки на тоненькой полоске гнилой кожи.

Потерпев неудачу, обескураженный, поражённый до глубины души тем, что происходило у него на глазах, Стиви вбил в голову одну цель – убить эту тварь. А чтобы это сделать, ему нужно было что-то острое и крепкое. Что-то… Вдруг Стиви осенило. Сорвавшись с места, он ринулся к чулану, что находился прямо за лестницей, и вскоре выскочил оттуда на перевес с топором-колуном. Ухватившись обоими руками за его длинную ручку, он со всей силы нанёс удар и за раз отрубил мертвецу левую руку по самое плечо. Но даже этого оказалось недостаточно. Нечто шатнулось, но не разжало хватки. Обезумевший от ужаса, понимавший что счёт идёт на секунды, Стиви издал яростный рёв загнанного в угол дикого зверя и, взмахнув топором, нанёс ещё один удар. Он вложил в него всего себя, всю свою силу, до последней крупицы…

Лезвие рассекло шею мертвеца, как нож масло. С мерзким чавканьем голова, некогда принадлежавшая Рэю Дэвису, отделилась от горла и упала на пол, откатившись к шкафу. Пальцы уцелевшей руки разжались, и получившее слишком значительное повреждение тело замерло и тоже повалилось на половицы, наконец, перестав проявлять несвойственную ему всеми законами природы жизненную активность.

Глава 3

Неизвестная радиостанция, активно пытающаяся пробиться через помехи, накрыла старый, покрытый трещинами и ржавчиной салон белой «BMW» приятным мягким звучанием. «The House of the Rising Sun» в исполнении группы «The Animals» была самой что ни на есть новоорлеанской песней из всех, когда-либо написанных про этот чудесный город. Стиви любил её и в любой другой день наверняка бы спел вместе с Эриком Бёрдоном первые несколько куплетов. Но сейчас, раздавшаяся в два часа ночи, всего через несколько минут после того, как он сделал самую ужасную вещь в своей жизни, она была так же неуместна, как и безголовый труп, некогда бывший телом его младшего брата, оставшийся лежать в пустом доме на Черокистрит. Стиви не хотел подпевать, он желал, чтобы радио заткнулось, а ещё, чтобы сидящая за рулём Элла, (из-за работы отца, Стиви не любил машины и так и не отучился на права) наконец прислушалась к голосу разума.

— Нам нужно было вызвать полицию, — повторил он ещё раз, сурово взглянув на сестру, — они бы во всём разобрались.

— В чём бы они разобрались, Стиви?! — негодующе фыркнула Элла. — В том, что в коридоре нашего дома лежит уже дня три как мёртвое тело нашего брата, которое десять минут назад было вполне себе живым, настолько, что чуть не задушило меня?!

— Твой сарказм неуместен, — холодно парировал Стиви, — как и твоё ярое желание первым делом побежать к Джесс. С чего ты вообще взяла, что она может нам помочь? Как с этим вообще можно помочь, с тем, что просто не имеет права существовать, что противоречит всем законам природы!

— Да выключи ты уже свой скептицизм! — неожиданно громко прокричала Элла.

Её звонкий голос, сорвавшийся на фальцет, вывел из прострации Малкольма, сидевшего на заднем сидении с круглыми, полными страха глазами, и вернул в реальность ушедшую глубоко в себя Шонду, что было Стиви и Элле совсем не на руку.

Ранее, когда их мать пришла в себя и увидела последствия развернувшегося в её доме кошмара, она как безумная начала повторять:

— О, мой сынок, мой Рэй… мой бедный Рэй…мой дорогой…

Успокоилась она лишь когда Элла насильно влила ей в рот лошадиную дозу сильнодействующего успокоительного, оно подействовало, но оказалось бессильно, когда сама же Элла разорвала мглу, таящейся за окнами машины ночи, своим громким восклицанием. Шонда вновь взялась за свои причитания, чем окончательно вывела и так державшуюся из последних сил дочь из себя.

— Мама прекрати! — скрежетнув зубами, бросила она назад. — То существо не было нашим Рэем…

— А чем же оно тогда было? — наперерез вопросил Стиви. — Это был Рэй, видимо он как-то выжил и помутился рассудком.

— Ну, конечно, как же иначе! — Элла смерила брата презрительным взглядом. — Ты ведь видел его трупные пятна Стиви, так зачем пытаешься сейчас успокоить себя этими глупыми выдумками? Это было колдовство, чёрная магия!

— Да ты совсем что ли из ума выжила?! — теперь уже Стиви дал волю своим эмоциям. — Ладно мы, но сзади сидит твой сын, ты хочешь, чтобы он слышал этот бред? Про колдунов, про это вуду, будь оно неладно! Так-то ты заботишься о своей семье?

Шаг за Рубикон был сделан, Стиви сразу же понял, что сболтнул лишнего, но отступать назад уже было поздно. С реакцией, которой могла позавидовать голодная пантера, готовив-

шаяся наброситься на ничего не подозревающую добычу, Элла вдавила педаль газа в пол и перешла в атаку.

— Не смей, слышишь, не смей мне говорить о том, как я должна заботиться о моей семье! Ты бросил нас, поддался своему горю и забыл о том, что кроме умерших, у тебя есть ещё и живые родные люди. Где ты был, когда я сбегала с работы, оставив клиента наполовину подстриженным, чтобы отвезти мать в больницу?! Где ты был, когда я после тяжёлого дня поднималась с кровати в три часа ночи и ехала в притоны и полицейские участки, чтобы забрать оттуда Рэя? Где ты был Стиви, сидел в своём роскошном доме и думал о том, как жизнь к тебе несправедлива?! Только дело в том, что жизнь несправедлива вообще в принципе, нужно это понимать, принимать и идти дальше, как бы трудно не было! — Элла выдохнула, перевела дух и закончила уже спокойнее: — Я держу всю эту семью на себе, и справляюсь как могу. И уж точно не тебе мне указывать.

Всю злость Стиви как рукой сняло, он чувствовал себя пристыженным и был полностью согласен с тем, что сказала сестра. Он понимал это и раньше, где-то на задворках его сознания временами появлялся тоненький голосок, который призывал его перестать быть эгоистом и помочь Элле, взять на свои плечи хоть часть её груза ответственности. Он мог это сделать, но не хотел, ибо был слишком слаб и считал, что его проблемы важнее.

Пристыженный, он хотел извиниться, уже открыл было рот, но слова замерли на языке из-за того, что Элла немного резковато ударила по тормозам и остановила машину. Они приехали.

***

Стиви не знал, где жила Джесс, но, судя по тому, что ехали они не очень долго, было этом место где-то в районе Одубон. Свои мысли он подтвердил, когда вышел из машины и увидел на крайнем доме кривую полустёртую надпись: «Джозеф-стрит». От неё он повернул взгляд направо и сразу же понял, куда им нужно было идти.

Магазин Джесс заметно выделялся среди остальных домов, принадлежащих гражданам с доходом явно выше среднего, своей невзрачностью и некоторой заброшенностью. Его стены давно нуждались в покраске, а на окнах расплывался немытый годами след грязи. Но лучше всего его состояние показывала старая вывеска с облупившейся и выцветшей надписью: «Эзотерический магазин мадам Ингрэм», ниже которой было выведено буквами меньшего размера: «кусочек белой магии по доступным ценам».

Ещё несколько минут назад, увидев всё это, Стиви определённо высказал бы Элле всё, что он думает о принятом ей решении, но сказанные в гневе слова сестры вновь заставили семена сомнений у него внутри дать свежие всходы. И как бы Стиви этого не хотел, он признал сам для себя, что то, с чем он столкнулся, нельзя объяснить логически. А значит, вероятно, стоит хотя бы послушать, что скажет человек, близко знакомый с магией вуду. Быть может, он сможет получить объяснение, которое успокоит его метущийся от неизвестности разум. Пусть даже оно будет ненормальным, если в нём будет хоть малая толика логики, он поверит в него и сделает всё возможное, чтобы защитить свою семью. На этот раз он был полон решимости добиться того, чтобы тоненький голосок в его голове замолчал навсегда.

***

Джесс встретила их на пороге своего магазина. Ничего не спрашивая, она сразу же запустила своих ночных гостей внутрь и повела их на второй этаж, туда, где располагались жилые комнаты.

Идущий последним, Стиви закрыл за собой дверь и инстинктивно провернул торчащий в замочной скважине ключ несколько раз по часовой стрелке. Когда замок защёлкнулся, он

почувствовал себя защищённым и, дабы не растерять это чувство, быстро, стараясь не глазеть по сторонам, чтобы не столкнуться с содержимым прилавков эзотерического магазина, чем-нибудь таким, что заставило бы его сердце вновь уйти в пятки, поднялся наверх.

Когда он вошёл в небольшую комнату, служившую одновременно и гостиной, и кухней, (одна плавно перетекала в другую) он обнаружил её пустой. Сперва Стиви недоумевающе нахмурил лоб, но ответ на загадку пришёл быстро, когда из соседней комнаты, что находилась недалеко от кухни – через небольшой узкий коридор, раздался властный и твёрдый голос Эллы, призывающий Шонду и Малкольма немедленно ложиться спать. Кто-то из них видимо сопротивлялся этому приказу, потому что через мгновение Элла повторила его ещё раз, и на этот раз её тон явно не терпел никаких пререканий, что видимо возымело действие, ибо уже через несколько минут Элла и Джесс вернулись в гостиную вдвоём.

— Я отправила их спать, — спокойным, уставшим, без тени былой строгости голосом сказала Стиви Элла, — и теперь мы сможем всё обсудить, обстоятельно и по существу.

— Конечно, — кивнула ей в такт Джесс и, жестом указав обоим своим гостям присаживаться на новенький, явно выбивающийся из общего убранства комнаты диван, добавила: — и начнём мы с того, что вы расскажете мне по порядку обо всём, что сегодня произошло в вашем доме.

Умостив свои чресла на мягкую бледно кремовую обивку, Стиви и Элла, попеременно сменяя друг друга, поведали севшей напротив них в старое цветастое кресло Джесс, о том, что пришло к ним после полуночи и том, что это нечто пыталось сделать. Когда они закончили над гостиной на долгое время повисло молчание, Джесс слушала их очень внимательно, стараясь не упустить ни одной детали, и в конце была явно сильно озадачена.

— Что ж, — протянула она, неспешно пригладив вьющиеся, и от этого периодические падающие ей на лицо каштановые волосы, — хотела бы я вас утешить, сказать, что ничего страшного не случилось, но, увы, это было бы полным враньём. Дела ваши очень плохи, потому что поднять из гроба зомби может только могущественный и крайне сильный бокор. Человек не гнушающийся использовать магию во зло, дарующий лоа кровь и жизнь, но не животного, а…

— Прошу прощения, — неловко поджав губы, спросил Стиви, — дарующий кому?

Взглянув на него, Джесс снисходительно хмыкнула, как учитель, которому приходится объяснять писаные истины юному и очень глупому ученику, и проговорила:

— Лоа – это невидимые людскому глазу духи, посредники между миром живых и мёртвых. В определённой степени они чем-то похожи на христианских святых. Но среди них есть как добрые, так и злые, всё зависит от того, какого именно лоа ты хочешь призвать, и в вашем случае, это точно злые и агрессивные духи.

— Но что этот, — недоумевающе поинтересовалась Элла, — бока… бокк… в общем колдун хочет от нас, зачем он завладел телом Рэя?

— Этого я не знаю, — выдохнув, покачала головой Джесс, — но могу сказать с полной уверенностью, что вы четверо находитесь в огромной опасности. В смертельной опасности. Хунганы и мамбо, священнослужители вуду, далеко не всегда признают методы бокоров, и зачастую те действуют не в рамках какой-то общины, а одиночно, не гнушаясь использовать такие ритуалы, что у честного вудуиста волосы встанут дыбом. Впрочем, — Джесс хрустнула затёкшими пальцами рук и сцепила их в замок, — от того, что я напугаю вас ещё сильнее никому лучше не станет, давайте попробуем во всём разобраться.

Элла и Стиви только этого и хотели. Оба так до конца и не пришедшие в себя, они были готовы довериться Джесс, ибо даже Стиви, всегда отрицающий сверхъестественное, заставил себя поверить в то, что есть вещи находящиеся за гранью его понимания.

— Итак, — Джесс откинулась на спинку кресла и начала вовсю напрягать свою память. — Моя бабушка как-то рассказывала мне о том, что один раз сама стала свидетельницей того,

как бокор поднял из земли мёртвое тело. Она была крепкой женщиной, спокойно могла сворачивать и отрезать головы курицам, если их кровь и плоть требовалась для подношения лоа, но даже она испугалась той мощи, которая исходила от ритуала того бокора. Я видела отражение этого страха в её глазах. Она рассказывала об этом нехотя и урывками, преследуя лишь одну цель – отвадить меня от желания изучать чёрную магию. Это сделать у неё получилось, я не лезла на рожон, но потихоньку всё равно ознакомилась с ней. Немного, поверхностно, чтобы понимать с чем буду иметь дело, если вдруг выдастся случай. Честно говоря, я надеялась, что он не выдастся никогда, но что ж поделать, мы имеем то, что имеем. В общем, вернёмся к Рэю. По твоим рассказам, — Джесс кивнула Элле, — я знаю, что он постоянно водился в сомнительных компаниях, и видимо, судя по тому, что он перед своей смертью рассказал Стиви… — теперь Джесс перевела взгляд на Стиви, и он сумрачно покачал головой вверх-вниз, подтолкнув её озвучить свои самые худшие опасения. — Да, именно поэтому я и начала тогда немного паниковать. Обстоятельства его смерти были туманными, а его рассказ о жертвоприношении навёл меня на определённые мысли, которые после того, что случилось час назад, сводятся для меня к общему знаменателю – Рэй перешёл дорогу какому-то бокору, и его последователи открыли на него охоту. Используя один из множества доступных им способов, они умертвили его. Но, похоже, одного этого им было мало, поскольку они решили поднять его тело из гробницы и отправить в качестве зомби, разделаться с вами.

— Касаемо этого, — Стиви внимательно следил за ходом мыслей Джесс, и когда, как ему показалась, она свернула не туда, решил направить распутывающийся клубок предположений в нужную сторону, — я не уверен, что Рэй, или как правильно, зомби-Рэй? Не важно. Мне не кажется, что он хотел причинить нам вред, по крайней мере, не всем нам. Когда он сломал замок и вошёл в дом, он прошёл мимо гостиной и спальни Эллы, и даже когда я к нему обратился, он не проявил агрессии и начал драться со мной лишь, когда я первым на него набросился. Посчитав, что с ним творится что-то неладное, я стремился не пустить его на чердак – туда куда он так целенаправленно пытался добраться. Отсюда у меня возникает вывод, что либо ему что-то там было нужно найти, либо же он хотел нанести вред Малкольму.

Когда Стиви упомянул имя её сына, Элла вздрогнула, но тут же взяла себя в руки и взглядом полным надежды уставилась на Джесс, будто лишь она одна во всём мире могла разрешить их непростую ситуацию.

— И то и другое вполне возможно, а также… — Джесс подавила рвущийся наружу зевок, как-никак на часах было уже больше трёх часов ночи, — значительно меняет ситуацию. Утром нужно будет сделать две вещи, во-первых, обезопасить Малкольма, в идеале лучше вообще увезти его из города и подальше, а во-вторых, вернуться в ваш дом и обыскать чердак на предмет пребывания там различных амулетов, ритуальных предметов или чего-то подобного.

— Это звучит очень логично, — облизнув ссохшиеся губы, быстро проговорила Элла, — в таком случае завтра мы вернёмся обратно и…

— Нет, Элла, — категорично оборвал её Стиви, — в дом вернусь я, и разбираться со всем этим буду я сам, тебе же нужно увезти мать и Малкольма как можно дальше отсюда, к примеру в Миссисипи в Джэксон, ты ведь всё ещё поддерживаешь общение с живущей там нашей дальней роднёй?

— Ну, — Элла задумчиво почесала затылок, но Стиви знал, что она ответит, ещё когда только начинал задавать этот вопрос, — мы поздравляем друг друга по праздникам… вообще подожди, — словно очнувшись, она недовольно посмотрела на брата, — что значит, ты сам будешь с этим разбираться?

— То и значит, — Стиви был непреклонен и твёрд, как глыба гранита, — я последний мужчина в этой семье, не считая Малкольма, но он ещё слишком мал, поэтому я отныне буду заниматься её защитой. Если нам угрожает зло, если оно повинно в смерти Рэя, я доберусь до истины и нейтрализую угрозу.

— И как же ты это сделаешь? — в голосе Эллы слышалась неприкрытая тревога. — Ведь ты ничего не знаешь ни о вуду, ни о их магии… ты будешь как слепец, переходящий автостраду в неположенном месте в час пик.

— Он будет не один.

Стиви и Элла разом повернулись к Джесс.

— Ну, неужели, — продолжила она после короткой паузы, — вы думаете, что я оставлю вас наедине с тем, чего вы совершенно не понимаете?

— Но ведь это так опасно… — начала было Элла, но Джесс пресекла попытки отговорить себя, властно вскинув вверх правую руку.

— Я знаю многое, настолько, что могла бы стать мамбо, если бы… — Джесс немного замялась. — В общем, завтра утром ты с сыном и матерью уедете из Нового Орлеана, а мы со Стиви очень постараемся разгрести дерьмо, в котором вы по уши увязли.

Элла слишком устала, чтобы спорить, и под твёрдыми взглядами, излучающих непоколебимую уверенность Стиви и Джесс согласилась на время стать той женщиной, которая сбегает от проблем. Для неё это было в новинку, но иногда даже простой побег является лучшим решением крайне непростой ситуации.

Обсудив ещё несколько деталей предстоящего утром действа, Стиви, Элла и Джесс, у которых с каждой минутой глаза слипались всё сильней и сильней, отправились спать. Впрочем, ушла только Джесс, Элла и Стиви, как и в далёком детстве, когда одному из них было страшно или когда они допоздна смотрели вместе фильмы, остались в гостиной и поделили между собой удобный, комфортный и очень мягкий диван. Раскладываясь, он становился в два раза больше и поэтому они спокойно поместились на нём вдвоём и, выключив свет, приготовились ко сну. Который, явившись, сразу же поглотил в себя Эллу, а вот Стиви не смог им насладиться по причине того, что его мочевой пузырь уже часа два как был заполнен до самого верха. Но стресс, отступив, дал понять ему это только сейчас.

Аккуратно, чтобы не разбудить сестру, он выбрался из-под одеяла и шаткой походкой направился в уборную. Благо Джесс перед тем, как уйти в свою спальню объяснила ему, где она находится.

Прошествовав в полутьме, ориентируясь лишь по лунным бликам, падающим из окна, Стиви нашёл нужную дверь и, открыв её, едва не вскрикнул от неожиданности – на краю ванной, подсвечивая себя маленьким карманным фонариком, сидел...

— Господи, Малкольм, — выдохнув и прижав правую ладонь к сердцу, прошептал Стиви, — что ты здесь делаешь, почему не спишь?

Мальчик поднял на него взгляд и Стиви сразу всё понял.

— Мне страшно, дядя Стиви, — пропищал он как мышонок, своим тоненьким детским голоском, — бабушка быстро уснула, а я пытался, но не смог. Едва закрою глаза, как мне видится страшный силуэт в углу. Я встану, пригляжусь, посвечу фонариком, и он исчезает, а потом лягу, прикрою глаза и всё опять повторяется.

— Почему же ты сразу не пришёл к нам?

— Не хотел мешать, — пожал плечами Малкольм. — Я ведь понимаю, что там никого нет и всё это глупости, но… здесь в ванной мне как-то спокойнее, здесь слишком мало места и никто точно не спрячется в тёмном углу, поэтому я подумал остаться здесь на ночь.

— Ох, Малкольм, — Стиви присел рядом с ним на край ванной и легонько приобнял мальчика за плечи, — для своих лет ты удивительно храбрый и мудрый парень. Если бы меня что-то так испугало в твоём возрасте, я бы сразу побежал к родителям, да ещё и верещал бы как поросёнок, сбежавший из загона.

Малкольм улыбнулся, сравнение Стиви ему явно пришлось по душе.

— Я пытался… — едва слышно произнёс он, — пытался представить, что я Кайл Морган, и что я ничего не боюсь, но у меня не вышло.

Не будь обсуждаемая ими тема столь серьёзна, Стиви точно бы расплылся в глупой улыбке писателя, персонажа которого используют, как объект для подражания, но он понимал, что не мог позволить себе такой вольности, и поэтому, тщательно подобрав нужные слова, сказал:

— В каждом из нас сидит свой Кайл Морган, у кого-то он более смелый, у кого-то нет, но важно одно – мы все можем преодолеть свои страхи, ибо в основном они находятся в наших головах. Мы сами питаем их, а нужно лишь собрать волю в кулак и вдарить по ним хорошенько и тогда…

— Скажи, дядя Стиви, — неожиданно прервал его Малкольм, — а Рэй больше не придёт, он больше не причинит тебе или маме вреда?

Вот оно! Естественно всё дело было в этом. А впрочем, иначе оно быть и не могло. О чём ещё можно было думать, когда тебе семь лет и на твоих глазах твой умерший дядя в виде безмозглого разлагающегося зомби пытается навредить твоим близким?

— Нет, малыш, — Стиви проговорил это как можно уверенней, хотя внутри него всё ещё жили сомнения, проросшие даже несмотря на то, что он отрубил своему ожившему брату голову, — он больше не вернётся ни в живом виде, ни в виде призрачного силуэта. Но это не значит, что он не будет являться к тебе по ночам, проецируясь из твоего сознания. Первое время тебе будет страшно, но потом ты привыкнешь, и когда-нибудь он исчезнет. Окончательно испарится, как дым, оставшийся от золы. Подхватится ветром и растворится в небе.

Малкольм слушал и вникал в каждое слово Стиви, и когда дядя закончил, ему стало гораздо легче, настолько, что, наклонившись вперёд, он крепко обнял его и, уткнувшись ему в грудь, прошептал:

— Спасибо, дядя Стиви, теперь я понял, как бороться со своим страхом и, думаю, я готов вернуться обратно к бабушке.

— Вот и славно, — мягко отстранившись от племянника, Стиви ласково взъерошил ему волосы и шепнул: — беги и… да прибудет с тобой сила.

Малкольм энергично кивнул, спрыгнул с бортика и, не оглядываясь, быстро вышел из ванной, позволив Стиви, наконец, сделать то дело, за которым, собственно, он сюда и пришёл.

Глава 4

Утро сменило ночь слишком рано. Оно принесло с собой острое ощущение неизвестности и страха, которые вместе были предтечами паники.

Стиви пробирала дрожь, и он понимал, что виной этому было не прохладное раннее новоорлеанское утро, а тот ужас, в который ему снова придётся вскоре окунуться. Не выспавшийся, с широкими синими кругами под глазами, он завидовал Элле, Малкольму и Шонде, след которых уже простыл на пороге, оставив за собой лишь едва видный на мокром от мороси, уже несколько часов срывавшегося дождя асфальте отпечаток протектора старых и сильно стёртых шин, которые уже давно нуждались в утилизации и замене. Они уехали и сейчас, наверное, были близко от выезда из города. Стиви больше всего на свете хотел бы оказаться с ними. Вся его ночная храбрость и готовность к самопожертвованию трещали по швам. Он явно ощущал над своей головой дамоклов меч и был уверен, что нить, сдерживающая его, может лопнуть в любую минуту. Но этого так и не случилось. Пока что.

Громко хлопнув входной дверью, Джесс закрыла её на ключ и спустилась вниз к тротуару.

— Ну что, — в её глазах играли огоньки непонятно откуда взявшегося азарта, — ты готов?

Стиви не был готов, но уверенность Джесс была очень заразительной. Вместе с ней, знающей и осознающей с чем им придётся столкнуться, он чувствовал себя спокойнее. Ужас потихоньку отступал и к нему возвращался вчерашний настрой.

— Да, — твёрдо кивнул он, наконец, и тут же спохватился, — но как нам добраться? Элла уехала, а такси в это время…

— Нам не понадобится ни одно, ни другое, — Джесс легонько улыбнулась и в её руке звякнула связка ключей отличных от тех, которые она только что убрала в свою большую, вместительную кожаную сумку.

Проследив за её взглядом, Стиви упёрся в новенький мотоцикл. В его братии он разбирался ещё хуже, чем в машинах, поэтому не понял какой он принадлежал марке, но оценил его выразительный внешний вид.

— Я купила его в начале года, — с гордостью проговорила Джесс, — столько копила… до сих пор с трудом могу поверить, что он мой.

— Выглядит… — Стиви на секунду завис, пытаясь подобрать правильное слово, — внушительно.

— Я надеюсь, ты когда-нибудь ездил сзади на мотоцикле?

— Как ни странно, — Стиви хмыкнул, — учитывая мою нелюбовь к ездящей технике, да. В университете у меня был приятель на первом курсе, который частенько брал меня кататься. У него был старенький мотоцикл, не то, что твой.

— Главное, — Джесс усмехнулась, и возле уголков её губ появились милые ямочки, делающие её лицо добрым, приветливым и весьма симпатичным, — что ты умеешь держаться и не сойдёшь с дистанции на первом же повороте.

— Что могу, то могу, — согласился Стиви, после чего они направились к мотоциклу.

Заняв водительское место, Джесс максимально сдвинулась вперёд, что было излишним. Стиви полностью поместился на сидении и, потратив некоторое время на борьбу с неловкостью, обнял Джесс за талию и сцепил пальцы в замок. Испытываемые им в этот миг ощущения близости женского тела взбудоражили разум. Стиви никогда не был так близко к девушке, если ей не была Шелли. Несомненно, в его держании за торс Джесс совершенно не было никакого контекста, но он всё равно почувствовал вину перед умершей возлюбленной. Она отрезвила его разум и заставила переключиться на проблемы более насущные, заключающиеся в том,

чтобы крепко держаться на своём месте и не выпасть во время движения, как это пару раз по началу случалось с ним в университетские годы.

Но в этот раз такой оказии не произошло, в течение десяти минут, которые потребовались Джесс на то, чтобы преодолеть расстояние между Джозеф-стрит и Чероки-стрит, Стиви уверенно проходил через все виражи вместе с мотоциклом и под конец даже почувствовал своё с ним единение. Это ощущение добавило ему несколько эндорфинов, которые, впрочем, сразу же потонули, захлёстнутые волной ужаса, нахлынувшей на него, когда он увидел родительский дом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.